

ДОБРОЕ ДЕЛО

КИСЛЕВ 5771

50

НОЯБРЬ 2010

ГАЗЕТА БФ "ХЕСЕД ШААРЕЙ ЦИОН"
ОДЕССА

Х А Н У К А

Поздравляем вас с Ханукой – праздником света, добра, радости и уверенности в том, что в нашей жизни произойдут изменения, которые принесут благоденствие нашему народу. Пусть свет Хануки вселит надежду на лучшее будущее!

От всего сердца желаем вам доброго здоровья, бодрости духа, благополучия, взаимной любви и чуткого отношения друг к другу!

Председатель Правления
Михаил Блюмберг

Генеральный директор
Анатолий Кесельман

Зимними вечерами ханукальные свечи приносят свет в еврейский дом. 8 дней праздника придают заряд святости на весь год. Праздничные свечи напоминают о чуде, свидетелями которого были предки.

Ханука – народный праздник. По традиции в эти дни рассказывают о борьбе евреев против греческих чиновников, принуждавших наших предков участвовать в языческом богослужении.

Гордостью евреев является то, что 2175 лет назад наш народ выступил против огромной греко-сирийской империи – противника, чья сила превышала силу евреев во много раз. И эта борьба выразилась не только в сопротивлении вооруженным отрядам и в партизанской войне.

Ненависть к завоевателям была столь велика, что позволила Йегуде Маккаби – сыну Маттитяху – с 10 тысячами воинов выйти против 60-тысячного войска полководца Лисия. В этой битве во всей полноте проявился героизм еврейского народа. Лисий потерял 5 тысяч воинов и отступил.

25 кислева 165 г. до н. э. Йегуда вошел в Иерусалим и евреи начали очищать Храм. Нужно было зажечь храмовый светильник – менору, но по легенде в Храме нашли лишь один запечатанный кувшинчик с освященным для богослужения оливковым маслом. Его хватило бы на один день, но произошло чудо: светильник горел все 8 дней, пока не изготовили новое масло.

С тех пор освящение Храма отмечают как праздник света для евреев. Он длится 8 дней: день – в честь победы над греками, семь дней – в честь чуда. В этом году мы будем праздновать Хануку («Очищения») со 2 по 9 декабря. В память о чуде зажигают ханукию. В ней 8 свечей и девятая – для зажигания ханукальных свечей. Свечи имеют право зажигать взрослые и дети с 7-летнего возраста. Светом ханукальных свечей пользоваться нельзя.

Самые популярные ханукальные угощения: латкес – оладьи из картофеля, жаренные на оливковом масле, и суфгания – булочки с вареньем.

В праздничные дни пекут блины со сметаной, маслом, гусиным жиром и шкварками. К ним подают жаркое из мяса или домашней птицы. Детям дарят «хануке гелт».

Ханука – исторический праздник, установленный в ознаменование победы не только над завоевателями, но и над сторонниками ассимиляции, когда евреи отстаивали свободу и право жить по законам Торы.

Вечером ханукию ставят на окно, чтобы прохожие видели свет, символизирующий божественный свет Торы. И этот свет евреи несли, несут и будут нести всему человечеству!

БФ «Хесед Шаарей Цион» – один из факелов, который, вопреки непростой экономической ситуации в стране, несет малоимущим, больным и одиноким людям материальный и духовный свет. Мы хотим, чтобы он проникал в душу каждого нашего клиента.

Пусть горит в ваших сердцах огонь, зажженный праотцами, и пусть светло и радостно будет от него всем, на кого падают его лучи.

"Доброе дело" — № 50

Дорогие читатели! Вы получили 50-й номер газеты "Доброе дело", который вышел в преддверии Хануки, и мы поздравляем всех вас с этим Праздником Света.

Мы благодарим всех, кто поздравил нас с выходом 50-го номера – читателей, авторов, друзей

газеты. Мы выпускаем ее для вас и вместе с вами. Надеемся, что так будет продолжаться и в дальнейшем.

Приходите, звоните, советуйте, предлагайте – без постоянной связи с читателями газета не может быть такой, какой мы хотим ее видеть.

Редакция газеты "Доброе дело"

О работе, службах и программах БФ "Хесед Шаарей Цион" читайте на сайте www.hesed-odessa.com

ВНИМАНИЕ!
Проводится подписка на газету "ДОБРОЕ ДЕЛО" на 2011 год.

Стоимость — 6 грн 30 коп., подписной индекс — 09720

Телефоны БФ "Хесед Шаарей Цион":

Служба "Мокед-Лакашиш" – 73740-21; Служба "Питание" – 737-40-11;
Программа "Медицина" – 737-40-32; Культурный центр – 737-40-13;
Служба волонтеров – 737-40-24; Дневной центр – 737-40-30;
Газета "Доброе дело" – 737-40-12

Больше знать и уметь... 2 стр.

Земляк с Базарной улицы 3 стр.

Чтобы помнили 3 стр.

Наша гостиная 4 стр.

Свидетельство о рождении 5 стр.

Музыкальный юбилей 5 стр.

Шолом-Алейхем "Ханукальные деньги" 6-7 стр.

Вера Инбер "Место под солнцем" 8 стр.

И. Бунин Это было в Одессе 9 стр.

Семен Липкин "Записки жильца" 10 стр.

Страна Поэзия 11 стр.

Улыбка 12 стр.

”Доброе дело” — № 50

Обращаясь к читателям в № 1 “Доброго дела”, я выразил надежду на то, что “газета станет вашим другом и помощником, что вы найдете в ней ответы на многие интересующие вас вопросы”.

Сегодня, поздравляя читателей и сотрудников редакции с выходом 50-го номера газеты, могу с удовлетворением отметить, что она, действительно, стала другом и помощником читателей. Более того, газета стала помощником сотрудников и волонтеров Хеседа, поскольку регулярно сообщает читателям все то, что им обязательно нужно знать о работе Хеседа.

Здоровья и благополучия читателям, сотрудникам и авторам газеты “Доброе дело”!

Генеральный директор
БФ “Хесед Шаарей Цион”
Анатолий Кесельман

Уважаемые читатели газеты “Доброе дело”! От имени представительства Американского Еврейского Объединенного Распределительного Комитета “Джойнт” в г. Одессе поздравляю всех нас с юбилейным 50-м номером. Мы с вами живем во времена, когда, к сожалению, все меньше людей обращаются к книге и периодическому изданию. Поэтому весьма ценно, что “Доброе дело” является популярной читаемой и интеллигентной газетой, содержащей разнообразную познавательную информацию и освещающей новости Хеседа и еврейской общины.

Хочу пожелать нашей газете процветания, интересных материалов и преданных читателей разного возраста.

Исполнительный директор “Джойнт” в г. Одессе и Юге Украины
Ирина Зборовская

Коллектив Израильского культурного центра г. Одесса поздравляет газету “Доброе дело” с выходом 50-го номера. Желаем удачной работы, благодарных читателей и всегда только позитивных новостей! Благодарим за сотрудничество и надеемся на дальнейшую крепкую дружбу!

Первый секретарь Посольства
Государства Израиль в Украине
Марк Довев

Коллектив международного еврейского общинного центра «Мигдаль» и редакция журнала «Мигдаль таймс» поздравляют нашего друга и партнера — газету «Доброе дело» с 50-м номером! Желаем творческих находок, неисчерпаемого источника хороших новостей!

Мазл тов! До 1200-го номера!

Председатель правления центра «Мигдаль»

Кира Верховская.

Всемирный клуб одесситов имеет честь поздравить БФ “Хесед Шаарей Цион” в выходом 50-го номера газеты “Доброе дело”, которая всегда соответствует своему названию.

С благодарностью за постоянную информационную поддержку
Директор ВКО Леонид Рукман

Дорогие читатели газеты “Доброе дело” и глубокоуважаемая редакция! Примите мои самые искренние и добрые пожелания в связи с выходом 50-го номера газеты. Важность сотрудничества еврейского молодежного центра “Гилель” и газеты “Доброе дело” трудно переоценить. Ежемесячно тысячи евреев Одессы получают вашу газету, а в комплекте с “Добрым делом” - и газету “Гилель”, для молодого поколения. Желаем Хеседа и редакции ее газеты успехов и процветания. Пусть ваш труд будет для вас удовольствием. Мазл тов, “Доброе дело”!

Искренне ваши Павел Вугельман и весь коллектив Одесского “Гилеля”

Больше знать и уметь...

Результаты работы каждого предприятия, организации, структурного подразделения напрямую зависят от того, насколько профессионально подготовлен персонал. Понимая эту непреложную истину, руководство Социального отдела Хеседа регулярно, с периодичностью один раз в квартал, проводит обучающие семинары для социальных работников. Очередной такой, 4-й, семинар по базовому курсу «Уход на дому» проведен со 2 по 11 ноября нынешнего года. В работе семинара приняли участие 15 социальных работников со стажем работы от 1 месяца до 2,5 лет.

В ходе нынешнего семинара социальные работники изучали принципы, методы, способы и приемы работы с теми клиентами Хеседа, которые страдают такими, к сожалению, распространенными заболеваниями, как сахарный диабет и нарушения функционирования опорно-двигательного аппарата.

Одной из тем семинарских занятий стало рациональное питание людей преклонного возраста. Были рассмотрены особенности питания при заболеваниях печени, сахарном диабете и онкологических заболеваниях, вопросы обеспечения рационального водного баланса организма, значения содержания кальция в продуктах питания и многие другие. Особое внимание было уделено психологическим аспектам общения с клиентами, от которых в значительной, а иногда и в решающей степени зависит результативность работы соцработников.

При проведении семинара был использован опыт, накопленный за годы работы Социального отдела Хеседа, и материалы Киевского института социальных и общинных работников. Семинар, организованный Социальным отделом, был проведен специалистом по социальной работе БФ «Хесед Шаарей Цион» Ииной Хацкевич при активном участии сотрудника

Американского Еврейского Объединенного Распределительного Комитета “Джойнт” в Одессе и на Юге Украины Светланы Лукиной, которая курирует обучение соцработников Хеседов в нашем регионе, и начальника Социального отдела Хеседа Феликса Гринмана.

По окончании работы провели традиционный “круглый стол”, в ходе которого слушатели единодушно отметили высокий профессионализм лекторов, отличную организацию семинара и его несомненную актуальность, свидетельством которой стали самые разные и многочисленные вопросы участников.

Илья Семенов

Осенняя краса Софиевского парка

В работе БФ “Хесед Шаарей Цион” значимая доля принадлежит благородному труду многочисленных волонтеров, которые принимают деятельное участие практически во всех мероприятиях. Сердечные, чуткие, отзывчивые, щедрые на доброту, они всегда и везде готовы подставить свое плечо каждому клиенту Хеседа, кто испытывает в этом нужду.

Руководство и работники Хеседа со всей искренностью ценят бескорыстную работу волонтеров и, со своей стороны, при первой возможности стараются сделать для них что-то полезное, приятное и интересное.

Одним из таких знаков внимания стала организованная для сорока восьми волонтеров экскурсия в Умань. Она началась сразу же после выезда из Одессы в очень удобном, с мягкими креслами и телевизором, автобусе, поскольку сопровождавший нас экскурсовод на протяжении всей четырехчасовой дороги обстоятельно и интересно рассказывала обо всем достопримечательном, что встречалось по пути.

Для удобства осмотра Софиевского парка или, как он официально называется, Уманского государственного дендрологического парка «Софиевка» Национальной академии наук Украины, нас разделили на две группы. И экскурсоводы водили нас по парку, рассказывали, что он является шедевром мирового садово-паркового искусства

конца XVIII — начала XIX веков, занимает около 155 гектаров и основан в 1796 году польским магнатом Станиславом Потоцким в честь его жены красавицы-гречанки Софии. После двухчасовой экскурсии у нас был еще час для самостоятельного осмотра и фотографирования приглянувшихся уголков парка. И очень кстати был потом фуршет на свежем воздухе, который споро и мастерски организовала руководитель “Романтической гостиной” Лариса Ерецкая.

Умань, основанная в начале XVII столетия, была известным еврейским культурным и религиозным центром. И потому, приехав из парка в город, мы всей группой посетили синагогу.

В конце дня мы выехали из Умани, но экскурсия наша продолжилась просмотром фильма о том, как создавался поразивший наше воображение парк. А потом импровизированно сложившийся хор проникновенно исполнял песни нашей молодости.

Все было чудесно, и мы от всей души благодарны Генеральному директору БФ “Хесед Шаарей Цион” Анатолию Кесельману и руководителю службы волонтеров Ирине Верведе за организацию экскурсии.

Волонтер Борис Ерецкий

Земляк с Базарной улицы

В Одессе прошли дни Жаботинского, приуроченные к 130-летию со дня его рождения. И Культурный центр Хеседа не мог и не остался в стороне от этого. Разные мероприятия, было из чего выбирать, но в этот воскресный день зал Культурного центра был полон.

Базарная, 33

Встречу открыла руководитель Культурного центра Анна Розен, а потом журналист Ростислав Александров рассказал о Жаботинском и об Одессе времен Жаботинского. Но, как говорится, лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать. Если же можно и увидеть и услышать, то это совсем хорошо. Потому и было найдено удачное решение. Слушателям не нужно было, выслушав рассказ о Жаботинском, подходить к выставленным иллюстративным материалам и рассматривать их в отрыве от услышанного. По ходу рассказа Р.Александров передавал слушателям специально подготовленные планшеты, на которых были воспроизведены фотографии и документы об одесском периоде жизни, деятельности и творчества Владимира Жаботинского.

И многие впервые увидели метрическую запись в книге одесского раввина за 1880 год о рождении В.Жаботинского: "№ 1239 Октября 9, Никопольский мещанин Евгений Жаботинский, жена Эвва, сын — Владимир", дом на Базарной, 33, в котором он родился, семейную фотографию Владимира Жаботинского, его жены Иоанны, урожденной Гальпериной, их сына Эри-Теодора, здания Ришельевской гимназии, в которой учился Жаботинский, и редакции газеты "Одесский листок" на Ланжероновской, 8, где начиналась журналистская работа Жаботинского, изданные в начале XX века в Одессе книги Жаботинского "Недругам Сиона" и "Еврейское воспитание", интерьер Оперного или, как тогда называли, Городского театра, в котором произошла знаковая для всей его последующей жизни

встреча: "Однажды во время антракта я встретил его (гимназического друга В.Лебединцева. — А.В.) в буфете в обществе элегантно господина... Впоследствии я встретился с ним в доме госпожи Делли-Абати (оперной артистки. — А.В.)... И он поведал мне, что он — сионист..." Одесские берега Большого Фонтана, весь город времен детства и юности Владимира Жаботинского остался в его рассказах и книгах. В их числе роман "Пятеро", пронизанный такой любовью к Одессе, что отдельные его строки нельзя читать без спазма в горле. "Массивы — это громадные каменные кубы, которыми на много верст в длину облицованы берега, молы и волнорезы нашего порта... Посидеть бы теперь на массивах полчаса; я бы и крабов не стал беспокоить: только посидеть, свесив босые ноги, прикоснуться, как Антей, к земле своего детства". Или такие: "Глупая вещь жизнь... только чудесная: предложите мне повторить — повторю точь-в-точь, со всеми горестями и радостями, если можно будет опять начинать с Одессы".

Как написал Шолом-Алейхем, книга любит, чтобы ее читали. Отрывки из романа "Пятеро" прочитали собравшимся волонтер-библиотекарь Хеседа Мальвина Владова и мастер художественного слова, постоянный участник мероприятий Культурного центра Елена Куклова. А читали они тексты Жаботинского по книге, выпущенной одесским издательством "Оптимум" в 2000 году к 120-летию со дня рождения автора.

Ришельевская гимназия

Об этом рассказал главный редактор издательства Александр Таубеншлак. И он, и директор издательства Борис Эйдельман — выпускники филологического факультета нашего университета, но в годы учебы не только не читали этот роман, но и не слышали имени автора — такие были времена, которые к 2000 году, к счастью, остались в прошлом. И выпускали "Пятеро", можно сказать, коллективными стараниями. Напечатать роман Жаботинского предложил журналист Евгений Голубовский. Нью-Йоркское 1947 года издание "Пятеро", с которого набирали текст,

предоставил издательству журналист Владимир Гридин. Воспроизведенную на обложке акварель проживающего в США одесского художника Ильи Шенкекра, изображающую лестницу возле Оперного театра под сенью старого платана, с любезного согласия автора передал издательству журналист Ростислав Александров. Профессор Марк Соколянский написал обстоятельное предисловие и примечания, крайне необходимые нынешнему читателю, поскольку со времени действия романа пролетело уже много лет и многие упоминающиеся в нем реалии оказались забытыми. А завершает книгу, которая стала 100-й, выпущенной издательством, послесловие Б.Эйдельмана и А.Таубеншлака. Сказать, что книга имела успех, — ничего не сказать. Ее раскупили так быстро, что пришлось издательству выпускать роман "Пятеро" дополнительным тиражом, который тоже был раскуплен.

Семья В. Жаботинского: В.Жаботинский, И.Жаботинская, Эри-Тодрос Жаботинский

Музыкальная часть встречи была составлена из произведений, которые упоминаются в романе "Пятеро". Арию Лакме из оперы Лео Делиба "Лакме" исполнила Ту Доня (Китай) — кандидат музыковедческих наук, выпускница Одесской государственной музыкальной академии. Студент этой же академии, дипломант Международного конкурса Юрий Федорченко (вокал) порадовал слушателей великолепным исполнением "Тореадора" Френсиса Пуленка и "Поговори со мною о любви" Чезаре Биксио. Аккомпанировала обоим исполнителям лауреат международных конкурсов Тамара Панская. А под аккомпанемент Анны Розен артистка Одесского национального филармонического оркестра Людмила Кузнецова (скрипка) исполнила "Размышление" из оперы Жюль Массне "Таис" и "Кантабиле" Никколо Паганини.

И все, кто пришел в этот день в Культурный центр, были благодарны участникам и организаторам этой юбилейной встречи.

Александр Винник

Чтобы помнили...

Термин "Одессика" давным-давно придумал летописец нашего города, автор книги "Старая Одесса", внучатый племянник основателя Одессы Александр Михайлович де Рибас. Научная секция "Одессика" много лет работает при Доме ученых. А пять лет назад при Культурном центре клиент Хеседа, один из опытейших культурных организаторов Леонид Зеленков создал "Клуб почитателей истории и культуры Одессы", который мы тоже именуем "Одессика".

Термин "Одессика" означает "всё об Одессе". Но никогда не было, нет и, наверное, не будет человека, который бы знал все об Одессе. Каждый старается прочитать, изучить, открыть какую-либо страницу ее истории. Поэтому и выступают у нас самые разные знающие люди. Строитель и писатель А.Горбатюк. Знаток истории книгопечатания в Одессе М. Бельский. Поэт И. Потоцкий. Фотохудожник Л. Сидорский. Музыкант и поэт С.Школьник. Сотрудники Литературного музея Е. Каракина и А. Мисюк. Краевед и писатель О. Губарь. Кинорежиссер В. Костроменко. Театральный режиссер З. Имас. Музыковед Р. Розенберг. Театровед и журналист Р. Бродавко. Журналист Е. Женин. А недавно журналист Р.Александров рассказал нам о происхождении, изменении, возвращении названий одесских улиц.

Гостями клуба были проживающие за границей журналист Б. Езерская (США), поэтесса В. Зубарева (США), руководитель клуба "Европейский "Дом Дерibasа" А. Маниович, (Германия) ...

История не с неба падает, ее делают люди. Из людей складываются семьи, семьи продолжают в поколениях. Потому так интересны родословные, о которых рассказывают на наших заседаниях члены клуба, нередко демонстрируя фотографии, которым больше лет, чем самим выступающим.

Мы побывали в Историко-краеведческом и Художественном музеях, Музее кино, расположенном на территории Одесской киностудии, планируется посещение Музея современного искусства и Музея МВД.

Как говорится, с миру по нитке — от каждого гостя что-то новое, от каждой экскурсии что-то интересное. И узнают участники нашего клуба если не все об Одессе, то очень многое о ней. А это можно рассказать другим — детям, внукам, друзьям. Чтобы помнили...

Руководители клуба
Евгения Лукьянова, Людмила Мирошниченко

От редакции: рассказ о названиях одесских улиц будет напечатан в следующем номере газеты.

Î äãññêèà

îîâîññòè

За январь - октябрь 2010 года в бюджет города поступило 785 562,0 тыс.грн., что на 94 022,7 тыс.грн. или 13,6% больше по сравнению с соответствующим периодом 2009 года.

Управление архитектуры и градостроительства Одесского горсовета провело общественное обсуждение градостроительных обоснований:

размещения объектов автосервиса по адресам: Николаевская дорога (напротив КНС «Северная»); вдоль Овидиопольской дороги (в районе Селекционного института); по пр. Маршала Жукова (напротив дома № 876):

размещения торгово-развлекательного комплекса по адресу: г. Одесса, мкр. Ш-3-7 жилого массива им. Котовского (ул. Затонского угол Крымского бульвара); размещения крытого спортивного комплекса с подземным паркингом по адресу: г. Одесса, ул. Михайловская, 18-а.

В санатории «Белая акация» открыт оздоровительный центр для работников железной дороги. В центре имеется крытый плавательный бассейн, наполненный минеральной водой, оборудованный единственной в Одессе установкой для подводного вытягивания позвоночника.

Состоялась городская научно-практическая конференция, приуроченная ко Всемирному дню борьбы с сахарным диабетом. По состоянию на 1 октября нынешнего года в Одессе состоит на учете детей до 14 лет — 110 (из них впервые выявлено 24 случая) и подростков — 62 (из них впервые выявлено — 1).

Во Всемирном клубе одесситов состоялась пресс-конференция, посвященная 20-летию Клуба. Всемирный клуб одесситов создан в 1990 году как общественная организация, объединяющая одесситов, живущих в разных странах.

Одесский академический украинский музыкально-драматический театр имени В. Василько отпраздновал свое 85-летие. В честь юбилея в театре был устроен юбилейный праздник «Нам — 85!»

В Городской художественной галерее открылась персональная выставка живописи молодой художницы Оксаны Андреевой.

В Музее западного и восточного искусства в рамках программы «Стамбул-культурная столица Европы 2010 года» открылась фотовыставка «Дружба городов-побратимов Одессы и Стамбула».

Для охраны и содержания животного мира, предоставления помощи приюту животных управлению экологической безопасности горсовета поручено выступить заказчиком и заключить договор на приобретение кормов для животных. Из городского фонда охраны окружающей природной среды на это будет перечислено 95 000 гривен.

Наша гостиная

Дорогие друзья! Обычно мы приходим в ваш дом, задаем вопросы, интересуемся делами, проблемами. Теперь вы стали нашими постоянными гостями, и на любые ваши вопросы — приятные и неприятные, сложные и простые — мы постараемся отвечать вам в уютной гостиной, которая будет регулярно открывать перед вами свои двери на страницах нашей газеты. Мы рады гостям, и вам всегда здесь окажут самый теплый прием.

Дежурный по гостиной — начальник Отдела по социальному обеспечению Феликс Мильштейн

Уважаемые посетители "Нашей гостиной"!

Убедительно просим вас внимательно ознакомиться с материалами этого выпуска и в дальнейшем всегда посещать "Нашу гостиную".

В каждом номере газеты мы будем оперативно информировать вас обо всем новом в работе всех социальных программ БФ "Хесед Шаарей Цион".

Информация к размышлению

С первого выпуска нашей газеты мы обещали читателям, что работа Хеседа будет «прозрачной» для его клиентов. Свои обещания редакция выполняет. Сейчас мы хотим объяснить, почему в последнем квартале этого года произошел сбой в оплате медикаментов.

Для начала расскажем, как распределяются средства на оплату медикаментов среди клиентов Хеседа. Несмотря на то, что подавляющее большинство клиентов — люди нездоровые, в течение нескольких последних лет лекарства в

Хеседе оплачиваются только для одной трети наших клиентов. Остальные предпочитают покупать лекарства на свои деньги, лечатся методами нетрадиционной медицины или попросту стараются не обращаться к врачам. Бюджетные средства, выделяемые на оплату медикаментов, распределяются именно среди этой трети постоянных участников программы "Медицина" в зависимости от категории нуждаемости и наличия или отсутствия статуса "пострадавший от нацизма".

Особо подчеркиваем, что **реальные деньги на пластиковые карточки не поступают**. Внимательные читатели, наверное, обратили внимание на то, что, говоря о выделении средств на оплату лекарств, мы всегда пишем о начислении «кредитов» на карточки. Это виртуальная сумма, на которую клиент имеет право взять лекарства в аптеке, а Хесед оплатит их стоимость в конце месяца. Эту сумму и называют клиенту сотрудники аптеки, когда проводят пластиковой карточкой по терминалу компьютера.

В начале этого квартала произведено перераспределение оставшихся средств, однако в Хеседе произошли два непредсказуемых события. Уже после того как средства были распределены, многие клиенты, которые раньше игнорировали медицинскую программу, решили воспользоваться

своим правом на получение медикаментов. Не знаем, что подвигло их на такое, но приход этих клиентов стал для нас неожиданным. Кроме того, Социальная комиссия Хеседа, учитывая тяжелые заболевания и статус "одиноким", изменила категории нуждаемости многим клиентам, которым были увеличены суммы по сравнению с прежним кварталом. И еще: впервые за несколько лет мы поставили на обслуживание много новых клиентов.

Все они сразу же отправились в аптеки, в то время как многие постоянные участники программы затянули это до последних дней. И получилось так, что по состоянию на 31 октября бюджетные средства оказались исчерпанными, и прекратили оплату стоимости лекарств. После этого многое пришлось выслушать сотрудникам медицинской службы, в частности, «Верните мои деньги!» Но «живые» деньги никому не начислялись. Клиенты ссылаются на наши объявления о том, что лекарства можно приобретать не позже 15 ноября. А это значит, что после этой даты лекарства вообще не отпускаются. Но теперь, когда средства закончились, условие "не позже 15 ноября" потеряло смысл. Замечу, кстати, что мы много раз советовали не откладывать на последние дни приобретение лекарств, т.к. инфляция "съедает" отпущенные на них средства.

О с о б о е м н е н и е

Как оно ни странно, но я вынужден напомнить нашим читателям, для чего были созданы благотворительные организации — Хеседы. А созданы они были исключительно для того, чтобы помогать выжить малоимущим пенсионерам и инвалидам, жизнь которых в сложившихся сложных экономических условиях стала крайне трудной.

Несколько лет назад наш учредитель перешел от помощи людям с целью их выживания к обеспечению им достойных условий жизни. Тогда были введены пластиковые карточки, по которым вместо неизменных в прошлом круп и консервов появилась возможность по собственному выбору приобретать разнообразные продуктовые товары на вполне приличные суммы. И кроме алкогольных напитков и продуктов, содержащих свинину, нашим клиентам стал доступен и весь широкий ассортимент продуктов питания, имеющийся в магазинах «Копейка». Но что обычно приобретает там клиент Хеседа? Довольно скромный по своему составу рацион для ежедневного питания, а иногда какой-нибудь деликатес, чтобы побаловать себя в праздничный день.

Правда, давно и далеко не секрет, что среди множества наших клиентов случаются люди, мягко говоря, состоятельные и в помощи Хеседа абсолютно не нуждающиеся. Но что уж поделать, если по документам о доходах они живут чуть ли не впроголодь?! И эти люди уверены в том, что Хесед обязан снабжать их даровыми продуктами и лекарствами, выделять им социальных работников,

протезировать зубы, покупать мебель — и все это по одной только причине, заключающейся в том, что они наши клиенты. В довершение ко всему они частенько позволяют себе бестактность по отношению к сотрудникам Хеседа, устраивают громкие "разборки" в аптеках и магазинах, стараются проскочить или делают вид, что не замечают "Цдаки". Какое отношение к себе они могут вызвать помимо ироничного или откровенно негативного?

Случилось мне покупать продукты в магазине «Копейка», что на улице Малиновского. Только-только закончился рабочий день, в магазине было много посетителей и очереди к кассам собрались для оплаты. И в это самое время у кассиров неожиданно выключились электронные терминалы, которые считывают штрих-код и этикетки на фасованных продуктах, и с пластиковых карточек Хеседа, на которых зафиксирована сумма, на данный момент имеющаяся в распоряжении клиента. К сожалению, такое иногда случается, потому что компьютерная техника, подобно всякой другой, тоже может давать сбой. Все покупатели, которые стояли в очереди, терпеливо и молча дожидались ликвидации этой неполадки. И тут раздался пронзительный голос знакомого мне клиента Хеседа. Щадяще назову его Б.

С этой личностью мне приходилось сталкиваться еще в моем кураторском прошлом. В Хесед он заходит непременно с брелком от ключей дорогой иномарки на пальце,

живет в особняке в районе Аркадии, имеет недвижимость в городе. По документам же он живет в однокомнатной квартире на весьма скромную пенсию и, вообще, считает себя «нищим из нищих». Раньше, когда начинали выдавать продуктовые наборы, он первым становился в очереди. Но как только мы несколько раз пытались перевести его в группу «обеспеченных», он доказывал, что, дескать, «живет у друга и машина принадлежит вовсе не ему, а брату, а а заставить его дома по месту прописки нельзя было исключительно потому, что он уезжал к родственникам».

И вот теперь я "застал" его в очереди к кассе магазина «Копейка». Громко, чуть ли не на весь магазин, он вещал, что «Копейка» живет исключительно на деньги Хеседа, что без Хеседа она моментально «вылетит в трубу», что если немедленно не исправят терминал и не обслужат в первую очередь его, он со всеми «разберется» и т.д. и т.п. Услышав про Хесед, я пробрался к кассе и увидел, что Б. завис над тележкой, в которой среди десятка куриных ножек виднелись несколько банок икры, сырокопченая колбаса, сервилат, отбойные стейки, дорогие конфеты, ананас, киви и еще много-много всяких вкусных и не самых дешевых продуктов. И не успевя как-то разрядить эту некрасивую конфликтную ситуацию, как кто-то из очереди истеричным голосом начал излагать, кто, оказывается, кормит евреев, что нужно сделать с теми и другими, кто это может сделать и так далее в знакомом гнусном стиле.

Очередь молчала, и только мои внушительные габариты и выразительная военно-морская лексика позволили прервать этот антисемитский монолог.

За 20 лет работы в еврейском движении я философски отношусь к антисемитским выходкам. Но тогда в магазине «Копейка» я увидел в очереди бедно одетую старушку с большой тележкой, на дне которой сиротливо лежала четвертушка хлеба, кусочек ливерной колбасы и несколько картофелин. Она стояла молча, но в ее голодных глазах была, нет, не ненависть, а презрение, которое похуже ненависти, и, поверьте, мне стало не по себе.

Благодаря нашему учредителю, клиенты Хеседа в чем-то могут жить чуточку лучше других пенсионеров. Но, если вместо продуктов первой необходимости каждый квартал закупаются деликатесы, можно с полным правом усомниться в том, что такие клиенты нуждаются в помощи Хеседа. Выделять ли деньги на приобретение икры?

Мы неоднократно писали о том, что если наш клиент-пенсионер имеет возможность прийти в магазин днем, то лучше не делать это в «час пик», когда туда приходят те, кто, работая, не могут сделать это в другое время и теперь вынуждены терять время и силы в очереди. И еще: нужно помнить, что есть люди, которые, к сожалению, по, мягко говоря, неразумному поведению одного человека позволяют себе судить обо всех его соплеменниках. Такова жизнь.

Свидетельство о рождении

В газете "Доброе дело" (№ 48, сентябрь, 2010 г.) была опубликована статья "Они достойны звания праведников". В ней рассказывалось о том, как Дмитрий Иванович Черватуок, его жена Ефросинья Яковлевна и их сын Иван Дмитриевич во время войны спасли от смерти 17 еврейских детей. Об этом стало известно благодаря сердечности и чуткости волонтера Хеседа Татьяны Родионовны Полонецкой и ее школьной подруги Людмилы Анатольевны Ткаченко.

После того как газета вышла в свет, Татьяна Родионовна сообщила мне, что решила позвонить в Винницкую ассоциацию бывших узников гетто и нацистских концлагерей, чтобы узнать адрес и выслать газету со статьей. Она верит, что жители села Чернивцы Винницкой области будут горды, узнав, что 17 еврейских мальчиков спасла их односельчанка.

—Эту информацию надо послать и в Израиль — в музей Яд Ва-Шем, —предложил я, чтобы и там знали о подвиге семьи Черватуоков. Может быть, хотя бы посмертно Дмитрию Ивановичу и его жене Ефросинье Яковлевне будет присвоено высокое звание Праведник народов мира.

Когда мы узнали необходимые для отправки сведения адреса, Татьяна Родионовна сказала:

—Недавно мне позвонила Людмила Ткаченко. Она сообщила о еще одном мужественном поступке, имеющем отношение к спасению евреев во время войны. Вот что ей рассказал ее отец.

Это произошло зимой 1942 года. Одесса была оккупирована. Василий Федорович Ткаченко, по профессии бондарь, жил с женой Анной Федоровной и сыном Анатолием, которому тогда было 11 лет, в доме № 204 по улице Московской. Жили бедно, впроголодь, так как никому в то время не нужны были бочки, которые так искусно изготавливал отец.

Однажды Анна Федоровна увидела из окна довольно длинную колонну евреев, которую немцы гнали в сторону Лузановки. Жители ближайших домов вышли на улицу, когда услышали плач, крики и стоны стариков, женщин и детей. Некоторые быстро забегали домой и, прихватив хлеб, протягивали его изможденным людям. Особенно жаль было детей. Лица сосредоточенные, серьезные. Некоторые поддерживали бабушек и дедушек. Увидев возле тротуара свою давнюю знакомую с куском хлеба, Анна Федоровна остановилась возле нее.

Неожиданно в колонне произошло замешательство. Что случилось — Анна Федоровна тогда толком не

поняла: то ли у одного старика закружилась голова и он упал, то ли конвоиры заметили, что кто-то передал в толпу еду...

Воспользовавшись суматохой, проходившая в колонне еврейка быстро вытолкнула на тротуар щуплого мальчика.

Стоявшие на обочине женщины расступились. Анна Федоровна увидела, как ее знакомая заслонила паренька, а потом, взяв его за руку, увела к ближайшему дому, чтобы он был подальше от колонны.

Быстро вернувшись в дом, Анна Федоровна пошла на кухню, взяла несколько картофелин и направилась к месту, где оставила свою знакомую. Но ни ее, ни паренька уже не было. Анна Федоровна передала еду

сгорбленному седому старику с узелком в руке и, когда колонна прошла, вернулась домой.

Вскоре среди соседей разнесся слух, что из колонны исчезло более десятка детей и немцы будут искать их на близлежащих улицах. К счастью, эта весть не подтвердилась.

Прошло несколько дней, и неожиданно к Анне Федоровной пришла ее знакомая и сообщила, что мальчика она прячет у себя. Женщины начали советоваться, как и чем помочь пареньку. Мальчик был худощав. По возрасту, росту, цвету волос он был немного похож на сына Анны Федоровны. И тогда у нее возникла мысль, а не отдать ли еврейскому мальчику свидетельство о рождении Анатолия. Она понимала, что, может быть, этот документ поможет спасти жизнь мальчика, которого она только вчера впервые увидела и, по всей вероятности, больше не увидит... Подойдя к шкапулке с документами, она вынула свидетельство о рождении сына и передала его знакомой.

О поступке Анны Федоровны знал только муж. А сыну она рассказала лишь в 1947 году перед получением им паспорта. К тому же она поделилась с ним опасениями, что ее поступок неправильно поймут в паспортном столе.

—Мама, а почему ты так поступила?— спросил Анатолий.

—Мои отец и мать всю жизнь учили нас, детей, что попавшим в беду людям нужно помогать, — ответила Анна Федоровна. — Не знаю, как сложится в дальнейшем твоя судьба, но я бы хотела, чтобы и ты тоже так поступал.

Анна Федоровна в паспортном отделе написала заявление, что свидетельство о рождении сына она потеряла. Анатолия направили в медицинскую комиссию, которая после "тщательного" обследования "определила", что Анатолий Васильевич Ткаченко родился не 14 октября 1931 года, как засвидетельствовано в заявлении его матери, а 15 мая 1933 года. И с этим пришлось смириться.

Умерла Анна Федоровна в 2001 г. До конца жизни она оставалась скромным человеком и никогда не жалела о совершенном поступке. В ее душевном порыве выражены мужество и благородство женщины-матери, которая многое делала в жизни по велению своего горячего сердца.

Только на следующий год после смерти матери, в 2002 году, Анатолий Васильевич решился поделиться с дочерью семейной тайной. Он поведал Людмиле Анатольевне все, о чем рассказала ему в свое время мать. Вот только имя маминной знакомой, которая приютила мальчика, а также имя спасенного он забыл. Ведь прошло с той поры более 45 лет. Из-за этого свидетельства о рождении Анатолий Васильевич стал старше почти на полтора года: на два года раньше его призвали в армию, и на два года позже он вышел на пенсию.

Анатолию Васильевичу исполнилось 79 лет. У него есть два сына: Виктор и Леонид. А проживает он на Куяльнике с дочерью Людмилой и зятем Михаилом. Он полностью потерял зрение, но многое помнит из того, что было с ним в детстве и юности. И вот что весьма примечательно: родные и друзья Анатолия Васильевича вопреки решению медицинской комиссии ежегодно празднуют его день рождения 14 октября.

Мысленно возвращаясь в первые послевоенные годы, Анатолий Васильевич невольно думает о еврейском мальчике. Он хотел бы знать, помогло ли его свидетельство о рождении выжить этому пареньку. Как сложилась судьба его сверстника. Если он жив и рассказал об этом кому-то из своих родных или друзей, то надеется, что кто-то откликнется. А как было бы чудесно, если бы они могли встретиться!

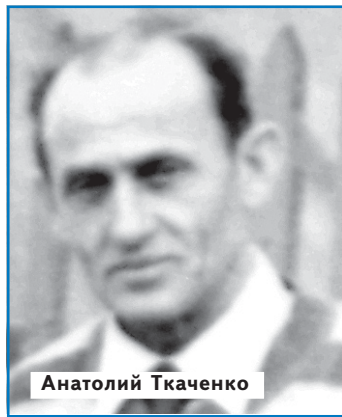
Семен Вайнблат

В. Ткаченко

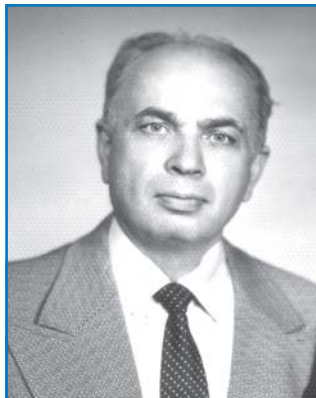
А. Ткаченко

Анатолий Ткаченко

Создатель клезмерских мелодий

Александр Ильич Чернер—автор музыкальные страницы. Помятуя слова более 600 клезмерских мелодий — Т. Шевченко об уважении к своему национальному наследию, композитор родился 1 сентября 1935 года в Балте. "Я— одессит из Балты". — Так он говорит о себе. Его дедушка был преподавателем культуры и языка своего народа, который по классу скрипки в местной музыкальной школе. Зная его профессиональный уровень, П. С. Столярский принимал в свой класс его учеников без предварительного прослушивания. И хотя по специальности А. Чернер инженер-машинист, музыкальные гены деда не обошли стороной внука.

Благодаря концертмейстерам Анне Розен, Инне Победы» и в мелодекламации. Шафир, Симоне Яхенко, концерт, Следующая страница перенесла всех в посвященный юбилею, состоялся на забытое и опустевшее еврейское местечко, открытым заседанием Литературной студии возродив в памяти мелодии далеких лет "Откровение", в "Романтической гостиной" и Культурном центре Хеседа.

Обе встречи начались прологом: с киноэкрана торжественно прозвучала песня Среди разнохарактерных песен, исполненных И. Жеребкером, следует отметить песню "Иерусалим", возвышенная мелодия которой словно ведет за собой, предлагая делить с этим городом его радости и горе. Интересным было выступление мужского вокального

ансамбля "Хаверим" (руководитель З. Харлампида) в составе Н.Михайлуцы, Д.Стурджи, М.Коростышевского, В.Евсовича (организатор Л.Ерецкая). Исполненные ими "Песня о добром слове" и отмеченная легкой иронией "Не печальтесь, дамы" вызвали в зале добрую улыбку. Два веселых "Фрейлехса" прозвучали в исполнении скрипача Я.Полищука. Романс "Спасибо, музыка, тебе" исполнила И.Александровская, а свою лирическую песню "Случилось чудо" спела Н. Лукинцова. Поклоняясь музыке И.Штрауса, А.Чернер написал мелодию в стиле любимого композитора. Услышав ее, поэт С.Вайнблат написал к ней стихи. Так родилась песня "Мечта".

Из всего мелодичного многообразия этих концертов особое место заняли две очень яркие, необычные музыкально-поэтические картины. Это нежно проникновенная, трогательная в своей недоуменной беззащитности песня о любви и измене "Ромашка", тонкие краски которой, несомненно, донесла М. Владова, и, конечно же, лирическая мелодия "Еврейской женщины прекрасные глаза". Впечатление было усилено изначальным звучанием без музыкального сопровождения голосов И. Шафир и С. Вайнבלата. В середине песни в дуэт вплелось звучание

фортепиано (С. Яхенко). Песня настолько впечатлила, что сидящие в зале слушатели видели перед собой "еврейской женщины прекрасные глаза", вобравшие в себя нежность и тревогу, любовь и терпение материнского сердца.

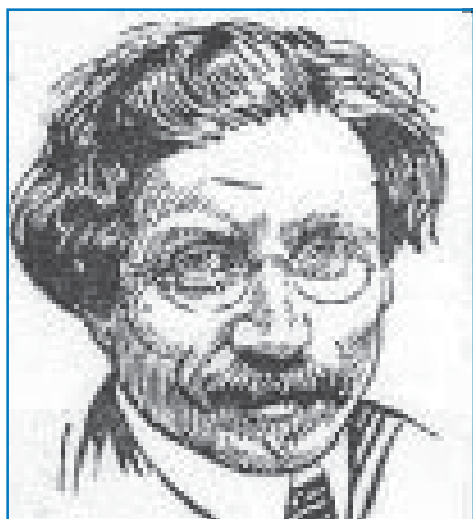
На этих встречах звучали мелодекламации на стихи Л. Луммерман, Н. Манок. Со стихотворными поздравлениями юбиляру выступили и гости. Прозвучали песни, посвященные родному городу: "Приморский бульвар" и "Старая Одесса". Искрящимся юмором, весельем и танцевальными ритмами повеяло от очаровательных песен "Одесса, да, друзья, хохочет" и "Скрипка дяди Мили" (стихи С. Донской) в искрометном исполнении артистки театра одесской песни "Фанкони" Т. Ивановой.

Со словами благодарности исполнителям и концертмейстерам А.Розен, И.Шафир, С.Яхенко, З.Харлампида обратился юбиляр. И хорошей финальной музыкальной точкой стала песня "Шолом Алейхем" в исполнении ансамбля "Хаверим". "Мир вам, — звучало в зале, — Мир всем, кто пришел". Мира и творческих успехов и Вам, создатель замечательных клезмерских мелодий Александр Ильич Чернер!

Евгения Лукьянова

Шолом-Алейхем.

Угадайте, дети, какой праздник самый лучший?!

— Ханука.

Восемь дней подряд не ходишь в школу, каждый день ешь оладьи с гусиным салом, играешь в разные игры и получаешь от всех ханукальные деньги. Разве может быть что-либо лучше?

Зима. На дворе холодно, стоят трескучие морозы, окна замерзли, покрыты инеем, чудесно разрисованы, а в доме тепло, уютно. Серебряная ханукальная лампада приготовлена еще с полудня. Отец ходит по комнате, заложив руки за спину, и читает вечернюю молитву. Продолжая молиться, он вынимает из столика восковую свечку и обращается к нам (ко мне и к младшему брату Мотлу), говоря восклицаниями и делая знаки рукой:

— О! И-ну-о!

Мы не понимаем, чего он хочет, и спрашиваем:

— Что — спичку?

Отец показывает на дверь кухни:

— О! О! И-о-ну!

— Что? Кухонный нож? Ножницы? Ступку?

— Ах, и-о-ну! Фи! Ими! Ими! Мать, мать позовите.

Я и мой брат Мотл бежим изо всех сил на кухню.

— Мама, скорее, ханукальные свечки!

— Ой, горе мое, ханукальные свечки! — восклицает мать, бросает все свои работы (у нас резали гусей, теперь топят сало и замешивают оладьи) и бежит в комнаты, а за ней — кухарка Брайна, черноволосая женщина с усами, жирным лицом и вечно измазанными руками. Мать становится в сторонке и делает умильное лицо, а кухарка Брайна грязным фартуком проводит по носу снизу вверх, отчего на нем остается черный след. Мы, я и мой брат Мотл, силимся, сдерживаемся всюду, чтобы не прыснуть.

Отец подходит с зажженной свечкой к лампаде, наклоняется и произносит молитву традиционным напевом.

Мать благоговейно произносит "аминь", Брайна набожно качает головой и при этом делает такое плаксивое лицо, что я и мой брат Мотл боимся взглянуть друг на друга.

"Эти свечи, которые мы зажигаем", — распевает отец, расхаживая по комнате и кидая время от времени взор на лампаду.

Молитва тянется без конца. Нам хочется, чтобы он кончил и взялся за карман, вынул, наконец, кошелек. Мы перемигиваемся, подталкиваем друг друга:

— Мотл, походи попроси у него ханукальные деньги.

— Почему это мне просить?

— Так ты моложе, тебе полагается просить.

— А по-моему, как раз наоборот, ты старший, тебе и полагается просить.

Отец отлично слышит, о чем мы толкуем, но притворяется, будто не слышит. Медленно, не спеша, подходит он к столу, открывает ящик и отсчитывает деньги. Легкий озноб проходит у нас по телу, руки дрожат, сердце колотится. Мы глядим на потолок, почесываем затылки, прикидываемся равнодушными, будто нас это и не касается.

Отец кашлянул.

— Гм... дети, подойдите-ка сюда.

— А? Что такое?

— Вот вам ханукальные деньги.

Получив ханукальные деньги, мы идем, я и мой брат Мотл, сначала медленно, как подобает воспитанным детям, потом все скорей и скорей, подпрыгивая и приплясывая, а когда подходим к нашей комнате, больше не можем удержаться, кувыркаемся три раза через голову, прыгаем на одной ноге и поем:

Эна, бена, речь,
Квинта, квинта, жечь,
Эна, бена, ряба,
Квинта, квинта, жаба!

И от великой радости и восторга собственными руками даем себе два раза по щеке.

Открывается дверь, и входит дядя Бенья.

— Ребята, вам следуют ханукальные деньги!

Дядя Бенья вынимает из жилета два пятиалтынных и дает нам.

Никто в мире не скажет, что отец и дядя Бенья — родные братья. Отец — высокий, худой, дядя Бенья — низенький, толстый; отец — черный, дядя Бенья — рыжий; отец — меланхолик и молчаливик, дядя Бенья — весельчак и говорун. День и ночь, зима и лето, — а все же родные братья.

Отец достает большой лист бумаги, делает на нем белые и черные клетки, велит принести из кухни белой и цветной фасоли.

Мать на кухне топят сало и печет оладьи. Я с братом Мотлом играю в юлу. Отец с дядей Беньей садятся за шашки.

— Уговор, Бенья, не брать ходов назад и не плутовать! Сделал ход — пропало, — говорит отец.

— Сделал ход — пропало, — говорит дядя Бенья и подвигает шашку.

— Ход так ход, — говорит отец и бьет шашку дяди Бенья.

— Ход так ход, — говорит дядя Бенья и бьет две шашки.

Чем дальше, тем больше они увлекаются игрой, жуют бороды, раскачивают ногами под столом и напевают один и тот же мотив.

— Что делать, что делать, что делать? — говорит отец нараспев и жует кончик бороды. — Если я пойду сюда, он пойдет туда. Пойду я туда, он пойдет сюда. Так лучше сделаем такой ход!

— Такой ход, такой ход! — подпевает ему дядя Бенья на тот же мотив.

— Чего же мне бояться? — напевно тянет отец. — Если он побьет мою шашку, я побью две. А вдруг он вздумает бить три шашки?

— Три шашки, три шашки, три шашки! — подпевает дядя Бенья.

— Ой, и дурак же ты, Бенья! — поет отец и делает ход.

— Сам ты дурак, братец мой, еще больший! — поет дядя Бенья, делает ход и сейчас же спохватывается.

— Фи, Бенья, мы же договорились: ход так ход! — говорит отец уже просто, без напева, и хватается дядю Бенью за руку.

— Вот еще выдумал!.. — говорит дядя Бенья. — Пока не отнял руки от шашки, ход еще не сделан.

— Нет! — говорит отец. — Сделал ход — пропало, назад не брать.

— Назад не брать! — говорит дядя Бенья. — Сколько раз случалось, что ты сам брал ходы назад?

— Я? — говорит отец. — Вот потому-то, Бенья, я и не люблю с тобой играть в шашки.

— И не надо, не играй!

— Поздравляю! Уже дерутся из-за фасольки? — говорит мать, появляясь из кухни с раскрасневшимся лицом. За нею идет Брайна с большим блюдом горячих оладий с гусиным салом. От оладий валит пар. Все идет к столу. Я и мой брат Мотл, которые только что ссорились, царапались, как коты, моментально миримся и усердно принимаемся за оладьи.

Ночью я лежу в постели и думаю: сколько, например, у меня соберется ханукальных денег, если все тетки и все родственники дадут мне. Перво-наперво дядя Мойше-Арно, брат моей матери, хотя и очень скупой, но богач; затем дядя Иця и тетка Двойра, с которыми мои родители уже много лет в ссоре. Ну, а дядя Бейнуш и тетя Ента? А еще моя сестра Эйдл и муж ее Шолом-Зейдл? А все прочие родственники?

— Мотл, ты спишь?

— Да, а что?

— Сколько, по-твоему, даст нам дядя Мойше-Арно ханукальных денег?

— Почем я могу знать? Я не пророк.

Через минуту:

— Мотл, ты спишь?

— Да, а что?

— Если ты спишь, как же ты говоришь со мной?

— Раз ты спрашиваешь, я же должен ответить...

Через три минуты:

— Мотл, ты спишь?

— Тсс... Тррр... хиль-хиль — хиль... тссс.

Мотл храпит, свистит носом, а я сажусь на кровати, вынимаю свой рубль, разглаживаю его, осматриваю.

"Простая бумажка, кажется, — думаю я. — А чего только на нее не купишь: игрушек, ножинок, тросточек, кошельков, орехов, и конфет, и изюму... Чего только не купишь?"

Я прячу рубль под подушку, читаю молитву на сон грядущий... Входит Брайна с целым блюдом рублей... Брайна не идет, она витает в воздухе и поет слова молитвы: "Свечи, которые мы зажигаем", а Мотл глотает рубли, словно галушки. "Мотл! — кричу я во всю глотку. — Господь с тобой, Мотл, что ты делаешь? Рубли???" Я просыпаюсь: "Тьфу, тьфу, тьфу... какой сон!" И засыпаю.

На следующее утро после завтрака мать напяливает на нас наши шубки на кошачьем меху, повязывает нас большими теплыми платками, и мы отправляемся за ханукальными деньгами. Первый визит, разумеется, к дяде Мойше-Арну.

Дядя Мойше-Арно — болезненный человек, вечно возится с желудком. Когда ни придешь, застанешь его у рукомоиника. Он моет руки и бормочет: "Ашер-йоцер".

— Доброе утро, дядя Мойше-Арно! — выпаливаем мы разом, я и мой брат Мотл. Нас встречает тетя Песя, низенькая женщина — один глаз черный, другой белый, то есть одна бровь черная, другая белая. Тетя Песя снимает с нас шубки, платки, вытирает нам носы своим передником.

— Сморкайтесь! — говорит тетя Песя. — Сильнее, сильнее сморкайтесь! Нечего жалеть! Еще! Еще! Вот так!

Дядя Мойше-Арно, в старом халате на кошачьем меху, в ватной ермолке, с ватой в ушах и с облезлыми усами, стоит у рукомоиника, моет руки, морщит лицо,

мигает глазами и набожно шепчет свою молитву.

Я и мой брат Мотл сидим, как пригвожденные к столу. Когда бы мы сюда ни пришли, нас всегда гнетет какая-то тоска, тяжесть. Тетя Песя садится против нас, складывает руки на груди и приступает к допросу:

— Как отец поживает?

— Ничего.

— Как мать поживает?

— Ничего.

— Гусей резали?

— Резали.

— Сало топили?

— Топили.

— Оладьи пекли?

— Пекли.

— Дядя Бенья был?

— Был.

— Играли в шашки?

— Играли.

И так дальше.

Тетя Песя еще раз приводит наши носы в порядок и обращается к дяде Мойше-Арну:

— Мойше-Арно, надо им дать ханукальные деньги.

Дядя Мойше-Арно не слышит, он потирает руки и нараспев кончает свою молитву.

Тетя Песя еще раз:

— Мойше-Арно, ханукальные деньги детям.

— А? Что? — спрашивает дядя Мойше-Арно и перекалывает вату из одного уха в другое.

— Ханукальные деньги детям! — кричит ему тетя Песя в самое ухо.

— Ой, живот! Живот! — говорит дядя Мойше-Арно и хватается обеими руками за живот. — Ханукальные деньги вам? На что детям деньги? Что вы будете делать с деньгами? А? Истратите, разстранжирите, а? Сколько вам отец дал ханукальных?

— Мне — рубль, — говорю я, — а ему — полтинник.

— Рубль?.. Гм... Балуют детей... Сами же губят их. Что сделаешь со своим рублем? А? Разменяешь? А? Смотри не разменяй. А может, собираешься разменять?

— Разменяют, не разменяют, — тебе-то что? — говорит тетя Песя. — Отдай им то, что им полагается, и пусть идут себе с Богом.

Дядя Мойше-Арно идет в свою комнату, шаркает туфлями, ищет во всех ящиках и шкапулках, наскреб несколько сонет, ворча про себя:

— Гм... балуют детей, губят их! Губят вконец!

И он сует нам в руку несколько потертых медяков. Тетя Песя снова (в последний раз) берется за наши носы, надевает на нас шубки, закутывает нас в большие теплые платки, и мы уходим.

Мы бежим по белому, морозному, скрипящему снегу и считаем потерянные медяки, которые сунул нам дядя Мойше-Арно, и никак не можем сосчитать. Руки у нас озябли, покраснели и распухли, монеты все медные, большие, тяжелые, какие-то гривны допотопные, пятаки стертые, гроши старинные, позеленевшие. Трудно, невозможно сосчитать на морозе, сколько дядя Мойше-Арно дал нам ханукальных денег...

Второй наш визит — к дяде Ице и тете Двойре, к тем самым, с которыми отец и мать уже много лет в ссоре. Почему они в ссоре, мы не знаем. Мы знаем одно, что отец и дядя Иця (родные братья) друг с другом не разговаривают, хотя молятся в одной синагоге и сидят рядом на одной

“НАЖУКАЛЬНЫЕ ДЕНЬГИ”

скамье. В праздник, когда с амвона читается соответственный раздел Пятикнижия и за честь прочесть отрывок этого раздела прихожане должны внести какую-либо сумму в пользу синагоги, — между прихожанами начинается азартный торг. Тогда оба брата обязательно стремятся отбить эту честь друг у друга. В синагоге тогда настоящий базар. Разговаривают, перебегают с места на место, шушукуются, смеются и помогают торгу. Всякому хочется знать, за кем останется “шиши” или “мафтир”. Всем хочется, чтоб торговались подольше. Синагогальный служака, рыжий Мехчи, стоит у амвона, перегнувшись корпусом вперед. Его молитвенное покрывало упало с плеч, ермолка съехала набок. Мехчи смотрит на восточную сторону, где сидят отец и дядя Иця, и гнусит:

— Восемнадцать гилдойн за “шиши”! Двадцать гилдойн за “шиши”! Двадцать два гилдойна за “шиши”!

Отец и дядя Иця сидят друг к другу спиной, оба будто погрузились в свои молитвенники. Но стоит одному объявить цену, чтоб другой сейчас же надбавил. Народ доволен, помогает торговаться:

— Тридцать! Тридцать пять! Тридцать семь! Сорок! Сорок!

Служка Мехчи смотрит то на одного, то на другого брата.

— Сорок гилдойн за “шиши”! Сорок два гилдойна за “шиши”! Сорок пять гилдойн за “шиши”!

Отец и дядя не перестают набавлять. Уже подняли цену до пятидесяти злотых. Мехчи поднимает руку и хочет уже пристукнуть:

— Пятьдесят гилдойн!

Вдруг спохватывается дядя Иця, поднимает один палец. Народ кричит: “Пятьдеся один! Пятьдесят один!” — и торг продолжается. Цена поднялась до шестидесяти с лишним злотых (цена неслыханная), и “шиши” остается за дядей Ицей. Потом продается “мафтир”. Отец посмотрел на служку и махнул рукой, как бы желая сказать: “Мафтир мой”. Мехчи ничего против этого не имеет, но народ не согласен: “Как же без торгов? На то и праздник. Нет монополии на “мафтир”.

— Десять гилдойн за “мафтир”! Пятнадцать гилдойн за “мафтир”! Пятьдесят гилдойн за “мафтир”!

Ну и скачок! Отец оглядывается, кто это хочет отбить у него “мафтир”. И представьте — это опять дядя Иця захотел купить “мафтир” для своего младшего зятя. Ах! И “шиши” и “мафтир”! Извините! Бить в два кнута? Не пройдет! Отец поднимается, мигает службе:

— Сто.

Слово “сто” громом пронесится по синагоге. Все ошеломлены. Такой цены никогда в синагоге не слышали со дня ее основания.

А Мехчи гнусит как ни в чем не бывало:

— Сто гилдойн за “мафтир”! Сто гилдойн за “мафтир”! Сто гилдойн... (Собирается пристукнуть.)

Тут дядя Иця поднимается с места. Отец как-то странно смотрит на него, как бы говоря: “С ума спятил? Зарезать хочешь? Режь!”

Дядя Иця садится, и “мафтир” остается за нами...

Но одно другого не касается. Когда случается торжество у нас или у дяди: рождение девочки или обрезание у сына, помолвка, свадьба, — они приходят друг к другу в гости, усаживаются на почетных местах, радуются и пляшут вместе со всеми гостями.

— Доброе утро, дядя Иця! Доброе утро, тетя Двойра! — выпаливаем мы, я и мой брат Мотл, одновременно, и нас принимают, как желанных гостей.

— Вы, небось, не в гости пришли, а за ханукальными деньгами, — говорит дядя Иця, треплет нас по щеке, вынимает кошелек и дает нам ханукальных: мне — новый серебряный двугривенный, и моему брату Мотлу — новый серебряный двугривенный. Мы отправляемся к дяде Бейнушу.

Кто хочет себе представить ад наяву, пусть пойдет в дом к дяде Бейнушу. Когда ни придешь, там шум, крик, галдеж. Там полон дом детишек. Полуголые, грязные, замызганные, невымытые, вечно дерутся, царапают друг дружку, часто до крови, под глазами у многих синяки. Кто смеется, кто плачет, этот поет, тот визжит, один гудит, другой свистит. Один сорванец надел отцовский сюртук, закатав рукава, а другой разъезжает верхом на метле. Один пьет молоко прямо из кувшина, другой щелкает орехи, третий держит в руке голову селедки, четвертый сосет конфетку, а из носика сопки текут ему прямо в рот. У тети Енты железные нервы, если она может сладить с этой оравой; она их ругает, щипает, награждает тумачками. Она не разбирает: кто попался под руку, тот и получает по спине, по шее, куда попало. Подзатыльники, оплеухи — здесь

сухие пустышки. Там услышишь и “холеру”, и “чуму”, и “проказу” — и все это говорится самым добродушным тоном, как другой скажет “здравствуй”. Галдеж утихает лишь с приходом дяди Бейнуша. Но так как дядя, человек занятой, пропадает целый день в лавке и домой является только закусить, то у него в доме постоянно ад крошечный.

Войдя к ним, мы с Азрилкой (средним) верхом на Геце (старшем), а Фройка с Мендлом (двое помоложе) подгоняли Гецю, один — рукавом ватного кафтана, другой — переплетом молитвенника. Хаим (средний между Фройкой и Мендлом) достал где-то горлышко от зарезанного гуся, надул его изо всех сил, как надувают резинового чертика, от натуги весь посинел, и ему удалось извлечь какой-то дикий звук, напоминающий визг свиньи, когда ее режут. Зайнвл (его возраста я не знаю — не то старшенький, не то младшенький) дает концерт на гребешке, а Давид (мальчик лет четырех) надел сапоги на руки и отбивает ими такт. Сендер тащит котенка за горло; котенок высунул язык, закрыл глазки, вытянул ножки, как бы жалуюсь: “Видите, как здесь туго приходится! Мучают меня! Мучают!...” Эстер (старшая девочка) вздумала причесать Хаську (младшую девочку), заплести ей косичку, но так как у Хаськи волосы кудрявые и давно не чесаны, то она не дается, кричит благим матом, и Эстер ее шлепает. Тише всех сидит Пиня, крошечный мальчик с искривленными ножками и подоткнутой рубашонкой. Одно плохо: где бы он ни стал, он оставляет след...

Все это, однако, не мешает тете Енте сидеть спокойно за столом, с одним ребенком у груди, с другим — на коленях, и распивать цикорий.

— Крошка моя дорогая! — говорит она и прижимает к сердцу малютку, сосущую грудь, и в то же время тетя локтем ударяет старшенького, который сидит у нее на коленях.

— Смотри, как ты ешь, чтоб тебя черви ели! Эстер, Рохл, Хаська, куда вас черт занес? Утрите ему нос скорей, вымойте мне блюдце, без блюдца мне пить? Дайте ему тумачка. Золотце мое, ласточка моя, радость моя! И как только не лопнут! С раннего утра все жрут да жрут!

Завидев меня и моего брата Мотла, ребята кинулись к нам и облепили нас, как саранча. Хаим подул в горлышко зарезанного гуся прямо над моим ухом, а Давид обнял меня своими сапогами, надетыми на руки. Пиня с подоткнутой рубашонкой уцепился за мою ногу, обвился вокруг нее, как уж; поток разных звуков и голосов оглушил нас.

— Чтоб вам онеметь! — кричит тетя Ента из другой комнаты. — Оглохнуть можно от вас! Разве это дети? Какие-то черти, чтоб вам сгореть!

Тетя Ента кричит, дети кричат, все кричат. Вдруг приходит дядя Бейнуш из синагоги. В одно мгновение все утихает, и вся орава исчезает.

— Доброе утро, дядя Бейнуш! — выпалили мы оба вместе, я и мой брат Мотл.

— Что скажете, шалуны? Небось за ханукальными деньгами пришли! — говорит дядя Бейнуш и дарит нам по серебряному гривеннику.

Дети, точно тараканы, смотрят на нас из углов, поблескивают глазами, как мышата, показывают пальцами, строят уморительные рожи, по-видимому, желая нас рассмешить, — мы еле-еле удерживаемся от смеха и удираем из этого ада.

Теперь мы идем за ханукальными деньгами к нашей сестре Эйдл. Эйдл с детства была какая-то плаксивая душа. Из-за малейшей глупости она плакала, проливая слезы над своим и чужим горем. А с тех пор как стала невестой Шолом-Зейдла, у нее глаза не просыхали. И не потому, что жених ей не нравился. Избави Бог! Разве она его знала? Она его и в глаза не видела. Но невесте полагается плакать. Когда портной принес ей к примерке свадебное платье, она проревела всю ночь. Перед свадьбой, когда подружки собрались к ней на девичник потанцевать, Эйдл ежеминутно убегала в свою комнату поплакать в подушку. А в день свадьбы уж и говорить не приходится — то был ее день. Целый день были слезы. Но самое замечательное началось в тот момент, когда скрипач Менаше заиграл на своей скрипке подвенечную мелодию, а бадхн Борух влез на стол, сложил руки на животе и запел известную трогательную песню:

Голубушка-невестушка,
Восплачь-возрыдай!

Слезам горьким
Волюшку ты дай!
Наряд подвенечный
Ты свой надевай,
Девичьей волюшке
Скажи ты прощай!
и т. д.

Женщины, родные и знакомые, которые расплетали невесте ее длинные косы, строили печальные рожи, всхлипывали, пускали слезу, а сама Эйдл так ревела, так рыдала, что три раза падала в обморок, еле в чувство привели ее.

Но насколько сестра наша Эйдл была слезлива, настолько ее муж, Шолом-Зейдл, был весельчак, затейник, шутник и, да простит он мне, — ужасно надоедливый

человек. Пристанет — не отвяжешься от него. Любил донимать нас щелчками; это было его величайшим наслаждением. Частенько мы, я и мой брат Мотл, ходили с распухшими ушами от его щелчков. Мы прямо-таки ожили, когда узнали, что молодые от нас съезжают на собственную квартиру. В день переезда у нас в доме было как на похоронах. Эйдл плакала навзрыд, а мать, глядя на нее, тоже плакала. А Шолом-Зейдл якобы помогал укладывать вещи, носился по дому, каждый раз очень ловко подкрадывался к нам и отпускал нам щелчки то в нос, то в ухо. Он щедро награждал нас ими и имел еще смелость просить нас почаще приходиться к нему в гости. Мы дали себе слово не переступить порог его дома. Но человек забывает все, в особенности щелчки. Да и как не пойти к родному зятю за ханукальными деньгами?

Когда мы вошли, Шолом-Зейдл торжественно приветствовал нас:

— Добро пожаловать! Как поживаем? Вот умники, что пришли, я приготовил для вас ханукальные денежки.

Шолом-Зейдл вынимает кошелек и отсчитывает нам по нескольку новеньких блестящих серебряных монет прямо в руки. Мы не успеваем сосчитать наши деньги, как Шолом-Зейдл уже угощает нас щелчками: меня — в ухо, а брата — в нос, потом меня — в нос, а брата — в ухо.

— Да перестань ты их мучить! — умоляет его наша сестра Эйдл со слезами на глазах. Она отзывает нас в сторону, пихает нам в карманы пряники и орехи и дает нам от себя ханукальные деньги.

Мы стрелой мчимся домой.

— Ну-ка, Мотл, давай сосчитаем наши капиталы! Но давай так. Ты помолчи, раньше я сосчитаю свои, потом ты сосчитаешь свои.

И я считаю: рубль и три двугривенных, и четыре пятиалтынных, и пять гривенников, и шесть пятачков — сколько же всего? Один рубль и три двугривенных, и четыре пятиалтынных, и пять гривенников, и шесть пятачков...

Мой брат Мотл не хочет дожидаться, пока я кончу, и принимается за свои капиталы. Он перебрасывает монеты из одной руки в другую и считает:

— Двугривенный и двугривенный — два двугривенных, и еще двугривенный — три двугривенных, и два пятиалтынных — будет три двугривенных, и два пятиалтынных, и гривенник, и еще гривенник, и еще гривенник, то есть три пятиалтынных и два двугривенных... тьфу, что я говорю? Надо начать сначала.

И он начинает сначала. Мы считаем, считаем — и никак не сосчитаем. А когда дело доходит до медяков дяди Мойше-Арна, мы окончательно запутываемся в счете. Его старинные пятики, стертые алтыны и позеленевшие гроши окончательно сбивают нас со счета. Мы пытаемся выменять эти деньги у матери, у отца, у нашей кухарки Брайны: не удается, никто их в руки брать не хочет.

— Что это за пятики? Кто всучил вам такие деньги?

Нам стыдно признаться, и мы молчим.

— Знаешь что? — говорит мне мой брат Мотл. — Давай кинем их в печку, а то выбросим в снег, чтоб никто не заметил.

— Какой ты умник! — говорю я. — Лучше уж ничего отдай.

Но как назло ни один нищий не показывается. Куда подевались все нищие? Никогда к вам не придет тот, кто вам нужен! Никогда! Никогда!

Вера Инбер

Место под солнцем

Повесть двадцатых годов

Начало в №46

Но долго еще здание не могло отогреться как следует. И даже когда снаружи было уже тепло и светло и легкий воздух ходил над домом, внутри стояла синеватая стын: это камень отдавал холод, впитанный им за долгую зиму.

Я выучилась плести веревочные туфли: их носили тогда все. Самое трудное было прикрепить веревочный верх к деревянной подошве. Это была работа сложная и ответственная. Я занималась ею на балконе, на солнце.

Внизу, подо мной, качалась четырехэтажная глубина, полная тепла и света. Веревоочные петли располагали к размышлениям: я размышляла о судьбе рук.

Вот вырастают у нас две руки, талантливые и умницы: самые талантливые изо всего нашего тела.

Они всё умеют, особенно правая. Левая немного обделена судьбой, но и она, если поучить ее, может хорошо работать. А правая — та просто молодец. Она пишет, здоровается, угрожает, приветствует, шьет веревочные туфли. Ее жизнь разнообразна, ее утрата незаменима. Но почему мы так плохо учим ее, почему она так мало знает?

Моя клиентура росла, мои туфли имели успех. Особенно хорошо у меня выходил носок, ответственнойшее место, где петли должны быть особенно крепки, чтобы дать опору большому пальцу. За пару туфель я получала фунт муки и немного масла.

У меня появился новый клиент, раненый красноармеец из соседнего госпиталя. Он пришел вечером. Я видела его, как он шел по двору, потом стал подниматься по лестнице и делал это очень медленно и тяжело. Потом раздался стук в дверь, и в комнату вошел громоздкий человек на костылях; одной ноги у него не было вовсе. Очевидно, он не привык еще к тому, что изувечен, — он долго прилаживал костыли, и тело тяжело висело на них.

— Сестрица, — сказал он, — слышаны мы, что туфли больно ловко изготавливаешь. А у меня... ранен я, видишь ты. И нога эта здоровая — до чего ж она жгет и крутит. Вот туфлю изготовь мне. А сколько возьмешь? За одну-то дешевше небось. Да ты говори свою цену, не задумывайся.

После его ухода Киска, молча, с жадностью глядевшая на него все время, сказала:

— Мам, если у него одна нога, она должна быть посредине. Нет разве, мам?

Я изготовила ему невиданно большую туфлю без каблук, которой он остался очень доволен. Ногу он потерял, когда белые, уходя из города, на вертели колючей проволоки на окраине, между двумя домишками. Смысл этого поступка был малопонятен: положение было вполне определенное и безвыходное. Никакая проволока не могла ни спасти, ни даже отсрочить приход красных отрядов. Бессмысленность этой раны, полученной где-то на задворках, без славы, без пользы, впопыхах, явно огорчала моего заказчика.

— Коряво получилось, — повторял он мне не раз. — Шли, шли — и, глянь-ка, напоролись. Как вошел в меня шип железный, как зачало мясо гнить, ну, думаю, это тебе не пуля, эта подлость не выйдет, покуда свое не возьмет, жравчина этакая. Эх, ну и подлая же!

Вторая нога была искривлена окопным ревматизмом; большой палец был тверд и узловат, как дубовый сук. При малейшей сырости воздуха в ноге начинались боли, от которых раненый не знал куда деваться. Иногда он даже сомневался, ту ли ногу ему отрезали, и высказывал предположение, что, может быть, к «жравчине» можно было приобвыкнуть и притерпеться, а вот «эту нудную» отрезать бы. Но было уже поздно об этом думать.

Он привел мне своего товарища, у которого обе ноги были целы, но зато была выбита ключица. Это был невысокий человек. Ход его мыслей удивлял меня: у него была мания переустройства всего, что было уже создано. Увидев мои туфли, он сказал:

— Приделай бы к ним большой палец — хорошая бы рукавица вышла. А подметка деревянная на растопку пошла бы.

Про Красную Армию он говорил, что «наша Красная Армия, если бы ее по-настоящему оборудовать, первая была бы по рудокопному делу. Врылась бы в землю. А там уголь, алмазы, драгоценные соли. Все бы забрали». Звали этого человека Сигизмунд Горбин.

Придя ко мне в одно из воскресений в новых туфлях, причесанный, он спросил, умею ли я играть на рояле. Узнав, что умею, он попросил, если возможно, сыграть что-нибудь

«грустное, доходящее до сердца». Я подумала и заиграла «Песню без слов».

Рояль уже оттаял к тому времени совершенно. Картофеля под ним уже не было, и только под педалью лежала завалившаяся луковка, темная, вялая, пустая, как мешочек, из которого тянулась тоненькая изумрудная стрелка: рождался молодой лук.

День был воскресный. Золотые пылинки плясали над роялем. Где-то далеко, на берегу, чинили лодку, и удары топора по дереву были отчетливы. Сигизмунд Горбин стал за моей спиной; тень его упала на клавиши, он попросил играть «медленно и внятно». Замедленные звуки стали падать в воскресную тишину: удары топора на берегу отбивали такт.

— А не можете ли вы на словах объяснить, что такое вы играете? — спросил Горбин. — Чувствую, что грустное, но в точности не могу определить.

Я взглянула на его гладко причесанную голову, на искривленное плечо.

— Представьте себе поле сражения, — сказала я, — которое всеми покинуто. Все живые ушли, остались только мертвые. Остались брошенные пушки, пулеметы...

— Хочу заметить, — перебил Сигизмунд Горбин, — что пулемет бросить никак нельзя: вещь первой необходимости.

— Да? Ну, значит, не было пулеметов: одни пушки. Все спутано, все в беспорядке. А с неба, не переставая, падает снег, падает, падает, заносит трупы. Тогда поднимается раненый, который не умер, но умирает. Он зовет людей, товарищей, он хочет услышать человеческий голос. Но вокруг тишина, молчание. Он забыт. И только снег падает, падает.

Я смолкла, ожидая хотя бы слова от Сигизмунда Горбина, но он молчал. Он был очень взволнован, хотел говорить, но не мог. Тогда мне стало стыдно, что несколько мелодичных звуков, приправленных солнцем и патетикой, произвели такое действие. Я попыталась улыбнуться, но Сигизмунд Горбин глядел на меня строго, и я не посмела. Он сказал:

— Если бы многие люди получили образование в музыке, то война не могла бы иметь места. Аэроплан тоже может играть, если к нему приузорить струны, — как вы полагаете? Целый уезд сразу может слушать одну песню...

— Вы что же, здесь останетесь или на родину думаете ехать? — спросила я.

Горбин выпрямился:

— Да вот жениться задумал, не знаю, как вы скажете.

— Вот уж не знаю. Трудно так сразу. Кто она, ваша невеста: городская, деревенская?

Он помолчал и ответил:

— Да это вы. Я на вас хочу жениться. Вы не думайте, я тоже обдумался. Я даже в университете был.

— На каком факультете? — спросила я от смущения, только чтобы что-нибудь сказать.

Он ответил без запинки:

— На третьем.

Мы еще поговорили с ним о женитьбе. Я объяснила, что у меня Киска, дочь.

Он возразил, что это не имеет значения, что работу он всегда найдет. И если в хозяйстве что трудное попадется, например, стирка, то он поможет... Расстались мы с ним друзьями.

Веревоочные туфли шли своим чередом. Однажды это производственное спокойствие было прервано появлением человека в ушастой шапке. Человек принес мне краткую повестку из Политпросвета с предложением явиться. Не могу объяснить, как мне это показалось странно. Меня зовут в Политпросвет... для чего?

Политпросвет помещался на площади против памятника Карлу Марксу. Дом был велик. Он был наполнен людьми, желающими учить и учиться, организовывать зрелища в клубах и на площадях. Меня приняла стриженная девушка, похожая на зырянского паренка, скуластая и раскосая. Она сидела на стуле, как на льдине, заливаемая волнами посетителей. Отведя меня в укромную бухточку между шкафом и печкой, она предложила мне прочесть на учительских курсах небольшой цикл лекций по истории костюма.

Услышав про историю костюма, я спросила:

— А откуда, собственно говоря, вам это известно?

— Нам все известно, товарищ, — ответила девушка. — Нам известно, что вы, живя в Париже, интересовались этим вопросом, писали о нем и так далее. Мы хотели бы использовать вас в этом смысле. Будьте добры к завтрашнему дню разработать план программы.

План программы был представлен, одобрен, и я приступила к лекциям.

Каменные коридоры бывшего епархиального училища были полны воспоминаний. Сравнительно недавно здесь проходили парами гладко причесанные и пелеринчатые епархиалки, мечта о красавце дьяконе. У дьякона были серые глаза с поволокой и великолепные, сильные, белые руки. Весной в епархиальном саду расцветала голубая и темно-красная персидская сирень.

В актовом зале училища, взойдя на ту самую кафедру, с которой в свое время распределялись похвальные листы и золотые и серебряные медали, я вдохнула воздух, чтобы начать.

Передо мной сидели рядами учительницы в стоптанных башмаках, в облезлых горжетках и шляпах образца 1910 года. Шляпы эти были так сплюснуты, как будто министерство народного просвещения холодной тяжестью своих циркуляров давило именно на них. В задних рядах чернели учителя.

Новая советская школа тогда еще только нарождалась. Случайные дети приходили в школу для того, чтобы поесть и согреться. Каждый ребенок приносил с собой полено и ложку.

Учительские курсы были устроены с расчетом на то, что старые, еще досоветские, педагоги, подучившись сами, будут лучше учить других, пока не подрастет новое, молодое советское племя учащихся. Педагогам читали лекции по литературе, психологии, гигиене, политграмоте, истории искусства. Мне думается, что физкультура не была включена только потому, что ее еще не было.

Каким-то образом попала туда и история костюма. Жадность и внимание моей аудитории смутили меня. Все сидели с карандашами и тетрадками. Все стремились расширить свой умственный кругозор, пополнить запас знаний. Они верили, что история костюма поможет им уяснить поступь и осанку сегодняшнего дня.

Готовясь к выступлению, я добросовестно возобновила в памяти все, что знала, и пересмотрела несколько альбомов и книг. Первую свою лекцию я посвятила древнему Востоку, главным образом финикиянам, предприимчивым и энергичным людям, которые, руководствуясь одними только звездами, плавали по морям, экспортируя цивилизацию в тех формах, в каких она была в то время возможна.

Финикийские купцы, очевидно, удались мне. Я заключила это из того, что мои слушатели, забыв тетрадки и карандаши, смотрели мне прямо в лицо, мало двигались и почти не кашляли.

Покончив с Востоком, я перешла к Риму. Мне хотелось подробнее остановиться на римлянах, на этих, по словам одного историка, «маленьких смуглых людях, владеющих лучше киркой, нежели мечом». Но в самую неожиданную минуту, когда я описывала одежду римского легионера, раздался звонок, возвещающий конец часа.

Уходя, я унесла с собой круглый пахучий ржаной хлеб, прекрасно выпеченный. В общей сложности я получила пять таких хлебов — по одному за две лекции.

Возвращаясь со мной из бывшего епархиального училища, идя со мной рядом по неосвещенным улицам и неся под мышкой мой хлеб, Авель Евсеевич, присутствовавший на лекции, высказывал мне по этому поводу свои соображения.

— Вы говорили неплохо, — сказал он, — но не обольщайте себя тем, что были безупречны. Так, например, по моему глубокому убеждению, вы приписали хитону то, что относилось к пеплumu. Вы не согласны со мной?

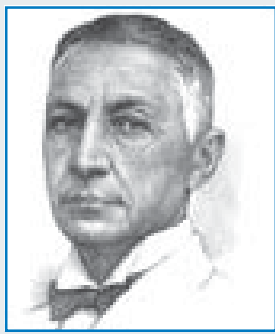
Услышав в ответ мое молчание, Авель Евсеевич смутился, наткнулся в темноте на столб, сказал: «Извините», и уж до самого дома не произнес ни слова. Я же в это время мысленно беседовала с товарищем Шуляком.

«Ну, как, товарищ, — спрашивала я его, — похоже это на настоящее? То ли это, что должно, по-вашему, «жужжать» во мне, или не то?»

Товарищ Шуляк, поигрывая карандашом, молчал, но мне чудилось в его полуулыбке нечто одобряющее. Хотя и не окончательно.

Продолжение следует

Исполнилось 140 лет со дня рождения Ивана Алексеевича Бунина (1870—1953), великодушного писателя и, как говорят в Одессе, приличного человека, не зараженного предрассудками.

Он десятки раз приезжал в Одессу, любил наш город, имел здесь друзей, женился здесь на дочери журналиста-грека и врача-еврейки, уехал отсюда в эмиграцию в 1920 году.

Одесса осталась в его рассказах «Сны Чанга», «Гая Ганская», в письмах и дневниковых записях.

22 октября.

От Буковецкого (художник, друг И.Бунина. — Ред.) поехал утром в Петербургскую гостиницу. Извозчик говорил, что на Молдаванке евреев «аж на куски режут». Качал головой, жалел, что режут многих безвинно — напрасно, негодовал на казаков, матерно ругался. Так все эти дни: все время у народа негодование на «зверей казаков» и злоба на евреев.

Солнце, влажно пахнет морем и каменным углем, прохладно. В полдень пошел к Куровскому (хранитель фондов Одесского художественного музея, друг И.Бунина. — Ред.) — город ожил,

принял совсем обычный вид: идут конки, едут извозчики...

Часа в три забежала к кухарке Куровских какая-то знакомая ей баба, запыхавшись, сообщила, что видела собственными глазами: идут на Одессу парубки и дядьки с дрючками, с косами; будто бы приходили к ним нынче утром, — ходили по деревьям и по Молдаванке, — «политики» и сзывали делать революцию. Идут будто и с хуторов, все с той же целью — громить город, но не евреев только, а всех.

Куровский говорит, что видел, как ехал по Преображенской целый фургон солдат с ружьями, — возле гостиницы «Империаль» они увидели кого-то в окне, остановили фургон и дали залп по всему фасаду.

— Я спросил: по ком это вы? — «На всякий случай». Говорят, что нынче будет какая-то особенная служба в церквях — «о смягчении сердец».

Был художник Заузе и скульптор Эдвардс. Говорили:

— Да, с хуторов идут...

— На Молдаванке прошлой ночью били евреев нещадно, зверски...

По Троицкой только что прошла толпа с портретом царя и национальными флагами. Остановились на углу, «ура», затем стали громить магазины. Вскоре приехали казаки — и проехали мимо, с улыбками. Потом прошел отряд солдат — и тоже мимо, улыбаясь.

«Южное обозрение» (редакция одесской газеты. — Ред.) разнесено вдребезги, — оттуда стреляли...

Заузе рассказывал: ехал вчера на конке по Ришельевской. Навстречу толпа громил кричат: «Встать, ура государю императору!» И все в конке поднимаются и отвечают: «Ура!» — сзади спокойно идет взвод солдат.

Много убито милиционеров. Санитары стреляют в казаков, и казаки убивают их.

Куровский говорит, что восемнадцатого полиция была снята во всем городе «по требованию населения», то есть думой по требованию ворвавшейся в управу тысячной толпы. В городе говорят, что на слободке Романовке «почти не осталось жидов!». Эдвардс говорил, что убито тысяч десять. Поезда все еще не ходят. Уеду с первым отходящим.

Сумерки. Была сестра милосердия, рассказывала, что на слободке Романовке детей убивали головами об стену; солдаты и казаки бездействовали, только изредка стреляли в воздух. В городе говорят, что градоначальник запретил принимать депешу в Петербург о том, что происходит. Это подтверждает и Андреевский (городской голова).

Уточкин, — знаменитый спортсмен, — при смерти; увидел на Николаевском бульваре, как босяки били какого-то старика-еврея, кинулся вырывать его у них из рук... «Вдруг точно ветерком пахнуло в живот». Это его собственное выражение. Подкололи его «под самое сердце».

Вечер. Кухарка Куровских ахает, жалеет евреев, говорит: «Теперь уже все их жалеют. Я сама видела — привезли их целые две платформы, положили в степу — от несчастные, господи! Трусятя, позамерзли. Их сами козаки провожали, везли у приют, кормили хлебом, очень жалели...»

Русь, Русь!

1906

2 мая.

Еврейский погром на Большом Фонтане, учиненный одесскими красноармейцами. Были Овсяннико-Куликовский и писатель Кипен. Рассказывали подробности. На Большом Фонтане убито 14 комиссаров и человек 30 простых евреев. Разгромлено много лавочек. Врывались ночью, стаскивали с кровати и убивали кого попало. Люди бежали в степь, бросались в море, а за ними гонялись и стреляли, — шла настоящая охота. Кипен спасся случайно, — ночевал, по счастью, не дома, а в санатории «Белый цветок». На рассвете туда нагрянул отряд красноармейцев. — «Есть тут жиды?» — спрашивают у сторожа. — «Нет, нету». — «Побожись!» — Сторож побожился, и красноармейцы поехали дальше. Убит Моисей Гутман, биндюжник, прошлой осенью перевозивший нас с дачи, очень милый человек.

(1919)

Возвращение «Мерседеса»

В 1891 году, стреляя сизым дымом и распугивая шарахавшихся от него лошадей, по булыжникам одесских мостовых прогromыхал первый в городе, да и во сей России, автомобиль «Бенц», принадлежавший редактору газеты «Одесский листок» Василию Васильевичу Навроцкому. Но разбитные извозчики, франтоватые кучера щегольских ландо, невозмутимые биндюжники и не подумали, что пронзительный звук его сигнального рожка есть не что иное, как «первый звонок», возвестивший начало медленного, но неизбежного конца их давнишнего промысла.

А к середине 1910-х годов на автомобильном рынке Одессы уже появились до сих пор еще знаменитые или забытые теперь «Делоне-Бельвиль», «Дюркопф», «Кейс», «Оверланд», «Опель» «Рено» «Самсон», «Стевер», «Студебекер», «Уайт», «Фиат», «Форд», «Хорьх»... На respectable Гаванной, в Торговом Доме «Золотой двигатель», предлагали «автомобили для вспашки земли «Виктория» — слова «трактор» еще не знали, на тихой Ремесленной продавали «Гупмобиль», в двух магазинах на Екатерининской решившимся раскошелиться покупателям расхваливали «Мерседес», и, может быть, именно на Белинской улице Илья Ильф или Евгений Петров впервые увидели продававшийся там «Лорен-Дитрих», чью фирменную марку проигнорировал Остап Бендер, безжалостно переименовав машину Козлевича в «Антилопу-Гну».

По мере роста парка автомобилей открывались авторемонтные мастерские, склады горючего, магазины запчастей, комиссионная торговля машинами, курсы шоферов, которые уже со знанием дела спорили о достоинствах смазочных

масел «Вакуум Ойл Компани» или рижского завода Эльриха и дружно отдавали предпочтение «лучшим в мире шинам «Континенталь», производитель для Одессы Юлиан Шрайер».

Конечно, автомобиль был тогда, впрочем, как и сейчас остается, дорогим удовольствием. К примеру, «Форд» модели 1912 года, «самый прочный, элегантный, легкий, экономичный и шестиместный», стоил около трех с половиной тысяч рублей — «агроматные» по тем временам деньги. Тем не менее, «механический экипаж» постепенно входил в жизнь горожан, чему в немалой степени поспособствовало Одесское автомобильное общество, которое в 1912 и 1913 годах даже открывало свои фирменные салоны. Устроенные совершенно на европейский манер, они представляли машины всех имевшихся в городе марок, шины, смазочные масла, кожаную одежду для шоферов, литературу по автомобилизму и автомобильному спорту. А он уже набирал силу и популярность, легендарный Сергей Уточкин стал кумиром Одессы, а его автомобиль — ее своеобразной достопримечательностью. «Возле лавки, где продаются прохладительные напитки, собралась толпа, — вспоминал Юрий Олеша. — И я слышу слово «Уточкин». Стоит автомобиль. Страшный автомобиль. Я его уже видел однажды. Он пролетал по Ланжероновской, производя грохот, подобный пальбе, дымясь... Это автомобиль, не имеющий на моторе крышки, грязный, блестящий маслом, из него каплет, в нем шипит. Уточкин пьет в лавке прохладительный напиток. Толпа говорит о

великом гонщике». Во дворах нововыстроенных фешенебельных зданий появлялись не лишние архитектурных достоинств гаражи из красного кирпича, «безлошадные» автолюбители могли пользоваться прокатными машинами, а к услугам других граждан на Соборной площади, напротив аптеки Гаевского, была стоянка «Общества одесского таксомотора». И на благотворительной лотерее-аллеги в здании Биржи на Пушкинской улице, где теперь филармония, впервые разыгрывался ни больше ни меньше, как автомобиль «Лорелей», пожертвованный редактором газеты «Одесская почта» Абрамом Финкелем. Еще не составили четкие строгие правила движения, и в газетах все чаще печатались невеселые, но исполненные чисто в одесском стиле сообщения вроде «Вчера на углу Преображенской и Малой Арнаутской на юношу Гуральника наскочил автомобиль и задавил его насмерть» или: «На Ланжероновской возле Городского театра автомобиль наскочил на переходившего мостовую Писарука, у которого был задет череп головы».

Но все же автомобиль в Одессе не успел тогда превратиться из роскоши в средство передвижения, как декларировал командор «Антилопы-Гну» Остап Бендер, поскольку известные события надолго прервали этот процесс, что называется, на самом интересном месте. Лишь теперь, когда у нас идет уже второе столетие «автомобильной эры», по ее улицам, как говорят в Одессе, обратно побежали автомобили известных мировых марок и состоялось возвращение «Мерседеса».

Ростислав Александров

З а п и с к и ж и л ь ц а

Семен Липкин

Начало в 44

Французские корабли ушли, а петлюровцы скакали со стороны степи и еще не успели вступить в город. Но злое дело уже делалось. В синодальной типографии печатались черносотенные прокламации. (Так как их не пришлось в те дни распространить, то через год, при большевиках, когда реквизируют все имущество типографии, прокламации достались школьникам, и на оборотной стороне мы решали на них арифметические задачи.) Некоторые видели, как развезжал по городу на собственных дрожках светило — окулист Севостьянов. Он стоял в котелке, в демисезонном пальто с узким бархатным воротником, благостно улыбающийся, опираясь одной рукой на плечо кучера, а другой на что-то указывая двум темным личностям, сидевшим позади него. Чудодейственные руки, возвращавшие людям зрение, теперь указывали путь в крошечную тьму, которая жила в душе целителя глаз.

Железные шторы магазинов были прикреплены болтами к земле, у будок, где продавались жареные каштаны, стили оставленные на произвол судьбы жаровни, ворота были заперты, сквозь их крошечные окошечки с фанерными задвижками было видно, как невысокий ветерок с моря, предвестник ожидаемой бури, медленно катил по опустевшим улицам свернувшись, как жесть, листья. Осень в этот день бастовала. Плесневело ее виноградное мясо на лозах, падали ее яблоки, созревшие для своей гибели, гнили в гавани на дубках ее арбузы, томилось вино в ее давилнях, бурокрасный лом ее листьев загрязнял улицы, а золотая осень — где же она была, лядущая? Бродила ли она в полусонном отупении по берегам нежилого, холодеющего моря, дрыхла ли без просыпу в позабытой Богом слободской мазанке? А может быть, не пришла еще ее пора, и тем, кто сажал и растил, дано только в жалкой, слабой старости собирать свои гнившие плоды.

Глава четвертая

Наступил полдень, а форма государственного правления была все еще неизвестна жителям. Город стал медленно оживать. Поднялись шторы магазинов, и сентябрьское густое, плотное солнце легло на галантерею, посуду, меховые шкурки, готовое платье. Открылись ворота, появились прохожие.

Есть опыт тысячелетних мук, опыт инквизиции, костров, виселиц, массовых убийств, но этот опыт ничтожен по сравнению с опытом труда, торговли, дружеских бесед. Напрасно думают, что враги жизни легко обманывают наивное, забывчивое человечество. Опыт печали стоек и велик, но если бы он одержал победу над опытом счастья, то нельзя было бы жить на земле.

— Миша, не хотите ли полчаса прогуляться, до Кардинальской и обратно? — спросил Александр Рафаилович.

Мише больше улыбалось в эту минуту побыть с Володей и Елей, но предложение учителя показалось ему лестным. Мише бояться нечего, он православное дите, а какой молодец Александр Рафаилович!

— Все они не понимают, что проснулась могучая народная сила, — сказал учитель. — И большевики направят эту темную силу куда следует.

Конечно, он сознавал, что с мальчиком смешно вести такие разговоры, но что поделаешь, если никто в доме Чемадуровой не понимал, что проснулась народная сила

(они в простоте душевной сами себя считали народом и вот не проснулись), а Александру Рафаиловичу мучительно хотелось высказаться.

Они дошли до небольшого греческого базара. Это был почти правильный круг, образованный старинными домами причудливой постройки, с колониальными, без окон, лавками внизу, крытыми галереями наверху — кусочек Генуи, Балкан. В центре этого круга помещалась восьмиугольная общественная уборная, на чьих стенах записывались похабные блестящие приморского фольклора и чей запах смешивался с запахом ванили, прелых листьев, приклеенных пылью к горячей земле, с нерусским запахом фиников и кофе. Базар был почти пуст, кое-где вяло торговали. Внезапно из-за каменного столба для афиш показался человек с редкой бородкой и красными испуганными глазами.

— Сумасшедшие, куда вы идете, они уже здесь, прячьтесь! — крикнул он и, перебирая ногами, вскочил в одну из лавок. Она тут же за ним закрылась.

Александр Рафаилович и Миша повернули назад. У Карантинной они услышали топот и побежали. Вдруг они увидели греческую кофейню. Ее летний зал был просто частью улицы, почти до самой мостовой доходила ограда. Между каменными столбиками, как паруса, надутые ветром, зыбились продранные брезентовые занавеси. Из того же брезента был сделан тент. Сама кофейня была, разумеется, заперта, люди скрылись быстро — стулья опрокинуты, на одном из столов остались кости нардов, на асфальтовом полу среди подвижных солнечных пятен валялись раскрытая полураздавленная коробка папирос "Сальве" и прибор наргиле.

Они вошли в летний зал, присели, тяжело дыша, и стали смотреть сквозь продранные занавеси. Появились петлюровцы.

Это хаты с соломенными папахами и вишневыми садочками, это дикое, буйное козевая орда хлынула в город мирных ремесел и магазинов, банков и таможни, думы и биржи, кофеен и университета, казарм и заводов, в город, в котором не сеяли, не жали, не задавали корм скотине, но который жил за счет тех, кто в поте лица сеял и жал, — город столь опасный, коварный и притягательный.

Понимаем ли мы сущность восстаний? Кто, собственно говоря, восстает? Ну хорошо, в Париже строили баррикады знатоки Сен-Симона и Фурье. Не последние дураки были и у нас на Сенатской площади. А кто были те повстанцы, которых повел Муссолини? Или те, что в американском городке поднялись против судьи и шерифа и линчевали негров? Или те, что в октябре семнадцатого года громили булочные, а потом приходили ночью с мандатом, чтобы изымать излишки у перепуганных жителей? Простые люди, мы с вами, рабочие, крестьяне, трудовая интеллигенция. Не разными путями шли к Петлюре и в Красную Армию, не разными. Семнадцатый год имел предшественников в прошлые времена, даже в глубокой древности, но только в семнадцатом году, впервые за всю свою победную мощь, народ восстал не против деспотии, а против демократии. Националистический социализм (родившийся у нас в России) и сейчас не прекратил свое движение. Он, националистический социализм, иногда

называемый фашизмом, есть самое реакционное движение самых широких народных масс.

В город ворвался, видимо, передовой отряд. Всадники, живописно одетые в лохматые шапки, в бурки, в пестрые жупаны, в английские френчи, в кожаные штаны, ловко, небрежно сидели на лошадках, казавшихся маленькими по сравнению с этими рослыми, загорелыми богатырями, обвешанными патронными лентами, с пистолетами, саблями.

Они были веселы и если пьяны, то от спирта победы, от захвата этого всегда нарядного, богатого, с презрительным прищуром города. Один из всадников, с перекошенным от сабельного удара ртом, играл на гитаре что-то заунывное, играл неумело, но зато сидя верхом! Другой, без шапки, остриженный, как сечевик, с косичкой, почему-то держал в свободной руке большую бронзовую чернильницу. "Пан писарь", — подумал Миша. Впереди, но не самым первым, скакал красивый, с черными усиками над пухлой губой, совсем молоденький завоеватель. Знамя, желтолазурное, как небо, трепетало над шоколадной гривой его коня. С краю возвышался великан, пожилой человек в очках, похожий на капельдинера в нашем оперном театре. Голубая матерчатая нашивка в виде бутона виднелась во впадине его остроконечной смушковой шапки. Он толкнул нагайкой соседнего верхового (того, кто играл на гитаре) и громко крикнул:

— Дивись, яка красуня! "Ах, аставьте миня, маладой челавак, я масковська баришня!"

Он указал нагайкой на афишу с поясным изображением артистки Веры Холодной, еще на прошлой неделе выступавшей в иллюзионе "Экран жизни". Все, кто услышал его передразнивание москалей, засмеялись беззлбным смехом.

Уэллс рассказывает о гениальном биологе, который на необитаемом острове после мучительных висекций превращал шакалов, гиен, волков, тигров, собак в людей. Эти существа при невнимательном взгляде уже ничем не отличались от венца творения, но они не умели смеяться. А петлюровские ордынцы смеялись, как люди, рожденные от людей, у них были матери, сестры, невесты, они, наверно, знали человеческое горе, человеческую радость. Они даже любили погрузиться, поплакать, и не только пьяными слезами. Почему же город закрылся от них ставнями, шторами, воротами, засовами, почему ни одна живая душа не покажется на улице?

Нет, вот она, живая душа. Напротив кофейни на чугунных ступеньках чьей-то наглухо забитой квартиры сидела старая женщина. Рядом с ней стояло ведро с горячими кукурузными початками, лежал носовой платок — на нем была насыпана крупная желтая соль.

— Бабуся, почем пшенка? Яку валюту берэш? — крикнул всадник в бурке.

Старуха ничего не ответила, только привстала и низко поклонилась, и петлюровцы опять громко рассмеялись: шутка их товарища насчет валюты показалась им удачной.

Мише они очень понравились. Ему чудилось, что он видел их уже раньше, много раз, на базаре, когда они лениво лежали на возах, остро пахнущих сеном и животной плотью, а их бойкие жинки, в чистых платочках до самых бровей, вынимали из

сена поросят, гусей, яйца, торговались, длинно божились. Они говорили не по-русски, назывались хохлами, и вот они переоделись запорожскими казаками, и это так весело. Странно, что заморских зуавов никто не боялся, а эти славные хлопцы внушают всем такой ужас.

Отряд скрылся за поворотом, оставив запах степи, коня, кожи — и другой, идущий от кучек, разбросанных лошадьми по торцовой мостовой. До дома Чемадуровой было только два квартала Николаевского проспекта. Александр Рафаилович взял Мишу за руку и побежал. На бегу он все успел сказать:

— Вот она, народная армия, армия крестьянской революции. Мещане берут напрокат лодку и, напившись, поют в море о Стеньке Разине. А стоит появиться живому Разину — дрейфят. Что и требовалось доказать.

Он уже в душе приветствовал петлюровцев. Он готов был приветствовать всякую власть, и прежде всего — сильную и рожденную плембсом. Александр Рафаилович Кемпфер, милый чудак, сам того не сознавая, презирал побежденных и языческим, бескорыстным обожанием обожал победителей. Впрочем, таким ли уж бескорыстным? Возразят: а корысть в чем?

А в том корысть, чтобы быть ближе к власти, к ее пазухе. Националистический социализм античеловечен, если под человеком понимать божественную душу в животной плоти. Но этот же социализм удивительно человечен, если под человеком понимать двуногое, владеющее средствами и орудиями производства, пожирающее живую плоть и убивающее себе подобных в условиях общественной жизни. Необычайная, поразительная сила фашизма в том, что он живет не вовне, а внутри нас. Если извлечь из человека душу, то окажется, что все, из чего состоит наша плоть, и есть фашизм. А велика сила плоти! Индийская "Бхагавадгита" учит, что человек, стремясь к совершенству, должен отказаться от хотения. Хотения плоти суть основа фашизма, ибо животное-человек — хочет. Фашизм начался давно — тогда, когда человеческая плоть отвергла свое божественное происхождение.

Человек хочет не только денег, еды, водки, одежды, услад похоти. Он хочет уважения, хочет быть какой-то ступенькой выше другого человека, — потому-то национально-социалистическое государство всегда сословно, всегда ступенчато, оно лишает льгот и привилегий одних и щедро, но не навсегда, отдает их другим. Вот лейтенант в царстве смерти, в дыму и пламени, вступает в партию по боевой характеристике, без кандидатского стажа. Какая ему от этого корысть? Немец дошел до Волги, еще неизвестно, как сказал поэт-лауреат, по какой рубеж Россия и что будет с Россией. Потом, если выживет, лейтенант скажет, что был тогда охвачен высоким душевным порывом. Но почему этот душевный порыв привел его именно в ту партию, которая у власти? Почему не пошел он, скажем, к адвентистам седьмого дня? Потому что то был не душевный порыв, спала его божественная душа, а животная плоть хотела, даже на краю гибели она не могла не хотеть, ибо была плотью, и он тянулся к большой и жаркой пазухе.

Продолжение следует

Страна Поэзия

Альберт ПАССЕРМАН

Родился в Запорожье в 1939 г. Окончил Харьковское пожарно-техническое училище, филологический факультет Одесского госуниверситета им. И. И. Мечникова, Академию МВД СССР (Москва). Автор документальной книги "Пожарный". Публиковался в коллективных сборниках, альманахах, периодической печати. Призер фестиваля "Пушкинская осень в Одессе" (2010). Член Литературной студии "Откровение".

Если бы слова лепили из бетона,
Прочно, на века, выливая бездонно,
Если бы темы — различные темы —
Просто рождались — как рождаются тени,
Если бы стих — в совершенстве ритмичен,
Рождался б, как стук кирпича о кирпич,
Если бы рифма — глубокая рифма,
Просто искалась, как логарифм,
Если бы стих вырастал без труда —
Я бы стихов не писал никогда.

Скорей!

Сирена, сирена, сирена —
Зловеще бушует огонь...
И нежную ветку сирени
Тревожно сжимает ладонь.

Машина по цвету, как пламя,
Машина, как ветер, летит.
А там, впереди, перед нами
Весеннее небо горит.

Застыли машины и люди,
И смотрят с надеждою вслед...
Зеленую улицу будит
Тревожный мигающий свет.

Домов торопливые тени...
Во имя спасенья людей,
Во имя цветущей сирени —
Скорее! Скорее! Скорей!

После пожара

Дом спасли, только крыша сгорела.
Словно ребра, стропила торчат...
И луна компанейски присела
Возле дымом пропахших ребят.
Сняты каски. Дымят папиросы.
Дымоходы просты, как штрихи...
И бойцы настоятельно просят
Почитать о пожарных стихи.
И под небом притихшей

Вселенной,

Где трибуной—сгоревший накат,
Я стихи выдаю вдохновенно
Для уставших от боя ребят.
На их лицах— полосками сажа,
Брезентовки — сплошная вода.
Что друзья о стихах моих скажут?
Высока ли оценка труда?
Я ловлю потеплевшие взгляды.
И не главное —как написал.
Важно — был я в бою с ними рядом,
С ними вместе огонь побеждал.
А стихи? Я стихов не придумал —
Прикоснулась к бумаге ладонь...
Видишь, Время, — отважные люди,
Как герои, уходят в огни!

В магазине "Поэзия"

У входа в магазин —баталия:
«Модного поэта продают...»
Эту книгу с нетерпеньем ждали,
Как из рейса мореходов ждут.
Дверь, как виза. Я в проходе узком
Жду, когда к прилавку позовут...
А к поэту модному в нагрузку
Всех поэтов прочих придают.
Раньше модных, а теперь забытых,
Чистых, откровенных... и пустых,
Пылью поэтической избитых,
Может быть, и просто неплохих.
Шел домой. Луна светила тускло.
Книги нес... И так решил писать,
Чтоб когда-нибудь насильственной нагрузкой
Даже к очень модному не стать.

Прогулка с Львом Ошаниным

По Дерibasовской — неторопливо,
Здесь не спешат, проблемам вопреки...
В "Гамбринусе" заказываем пиво,
Читая вслух любимые стихи.
Поэт читает Пушкина, Светлова,
Потом свои, кем он на фронте был,
Ловлю стиха чарующее слово,
Он вдохновенно строками парил.
"А ты, Одесса, в середине лета,
Сумеешь хоть кого свести с ума..." —
Вот строки знаменитого поэта
При мне рождались искренне весьма.
Идем вдоль моря, голубеет парус,
Накатывает легкая волна...
Здесь Пушкину онегински мечталось,
И мысль была крылата и вольна.
И я читаю Блока, Пастернака,
Как многие поэты — нараспев...
И только лишь свои стихи, однако,
Ошанину прочесть я не посмел.

Я мало понимаю в живописи,
Но, словно замороженный вывели,
На стенах вдохновенно вывели,
Как по столовым вешают меню.
Я вижу мысль, начертанную кистью,
И пусть не все понятны мне штрихи,
Но у полотен чувствую и мыслью.
И мысли выливаются в стихи.

Детский уголок

Александр Пушкин

Унылая пора! Очей очарованье!
Приятна мне твоя прощальная краса —
Люблю я пышное природы увяданье,
В багрец и в золото одетые леса.
В их сенях ветра шум и свежее дыханье,
И мглой волнистою покрыты небеса,
И редкий солнца луч, и первые морозы,
И отдаленные седой зимы угрозы.

Алексей Плещеев

Осень

Осень наступила,
Высохли цветы,
И глядят уныло
Голые кусты.

Вянет и желтеет
Травка на лугах,
Только зеленеет
Осень на полях.

Туча небо кроет,
Солнце не блестит,
Ветер в поле воет,
Дождик моросит...

Зашумели воды
Быстрого ручья,
Птички улетели
В теплые края.

Иван Бунин

Листопад

Лес, точно терем расписной,
Лиловый, золотой, багряный,
Веселой, пестрою стеной
Стоит над светлою поляной.

Березы желтою резьбой
Блестят в лазури голубой,
Как вышки, елочки темнеют,
А между кленами синеют

То там, то здесь в листве сквозной
Просветы в небо, что оконца.
Лес пахнет дубом и сосной,
За лето высох он от солнца.
И Осень тихою вдовой
Вступает в пестрый терем свой...

Федор Тютчев

Есть в осени первоначальной
Короткая, но дивная пора —
Весь день стоит как бы хрустальный,
И лучезарны вечера...
Пустеет воздух, птиц не слышно боле,
Но далеко еще до первых зимних бурь.
И льется чистая и теплая лазурь.

Кроссворд

1		2		3		4	5		6		7		8
9						10							
						11							
12					13			14		15			
					16			17		18			
19					20								
					21						22		23
					24		25			26		27	
28		29		30				31					
32								33			34		
					35		36			37			
38										39			
40										41			

По горизонтали: 1. Ученый богослов у мусульман. 4. Задняя часть спины между плечами. 9. Антибрак. 10. Крупный влиятельный чиновник. 12. Химический элемент, галоген. 13. Пьеса Михаила Булгакова. 15. Перечень блюд и напитков. 16. Труднопроходимое ущелье. 17. Небольшое парусное двухмачтовое судно с косыми парусами. 19. Французский город, в котором есть метро. 20. Море Северного Ледовитого океана. 24. Мыслитель. 27. Пение в одиночку. 30. Тюркское название горы или хребта. 31. Спутник Сатурна. 32. Строп для подъема бочек. 33. Служебный разряд. 34. Пища. 38. То же, что обедня. 39. Гимнастка, которая первой выполнила сальто на бревне. 40. Российский композитор, автор песен "Белый танец", "Соловьинная рожа", "Эти глаза напротив". 41. Русский писатель, автор романа "На ножах".

По вертикали: 1. Сорт мелкой кисловатой сливы. 2. Специальность ученого. 3. Православный монах. 5. Имя первого человека. 6. Полевое укрепление. 7. Специально оборудованное вместилище для сыпучих материалов. 8. Заразная болезнь, проявляющаяся в приступах судорожного кашля. 11. Политический делец. 13. Одна сторона туловища. 14. ...-мачта. 17. Школьный предмет. 18. Часть головы. 21. Вечный 22. Государство в Африке. 23. Областной центр в Казахстане. 25. Собачий разговор. 26. Прибор для сушки и укладки волос. 28. Гидроакустический прибор для определения глубин моря. 29. Без него овцы не стадо. 35. Триумфальная 36. Всякий хлеб в зерне или на корню. 37. Помещение в театре.

Ответы на кроссворд в газете «Доброе дело» № 49

По горизонтали: 1. Кризис. 5. Шутовство. 11. Неврология. 12. Плашкоут. 14. Рейка. 15. Скульптор. 16. Сорок. 19. Люкарна. 21. Страх. 22. Монолог. 25. Гродно. 26. Утопист. 27. Тина. 30. Илья. 32. Монорим. 33. Гавиал. 36. Сенатор. 37. Лядов. 38. Фортуна. 42. Севан. 43. Цитология. 44. Угорь. 48. Ирландка. 49. Перебранка. 50. Завалюшка. 51. Отклик.

По вертикали: 2. Рывок. 3. Звон. 4. Стойка. 5. Штиблеты. 6. Волчок. 7. Тушь. 8. Околоток. 9. Инженю. 10. Строгость. 13. Апоастр. 17. Энтомолог. 18. Подсвинок. 19. Лист. 20. Амга. 23. Антон. 24. Сплав. 28. Изречение. 29. Кипяток. 30. Илот. 31. Яйла. 34. Параклаз. 35. "Королева". 39. Нарвал. 40. Фискал. 41. Цицеро. 45. Генри. 46. Гнев. 47. Мрак.

